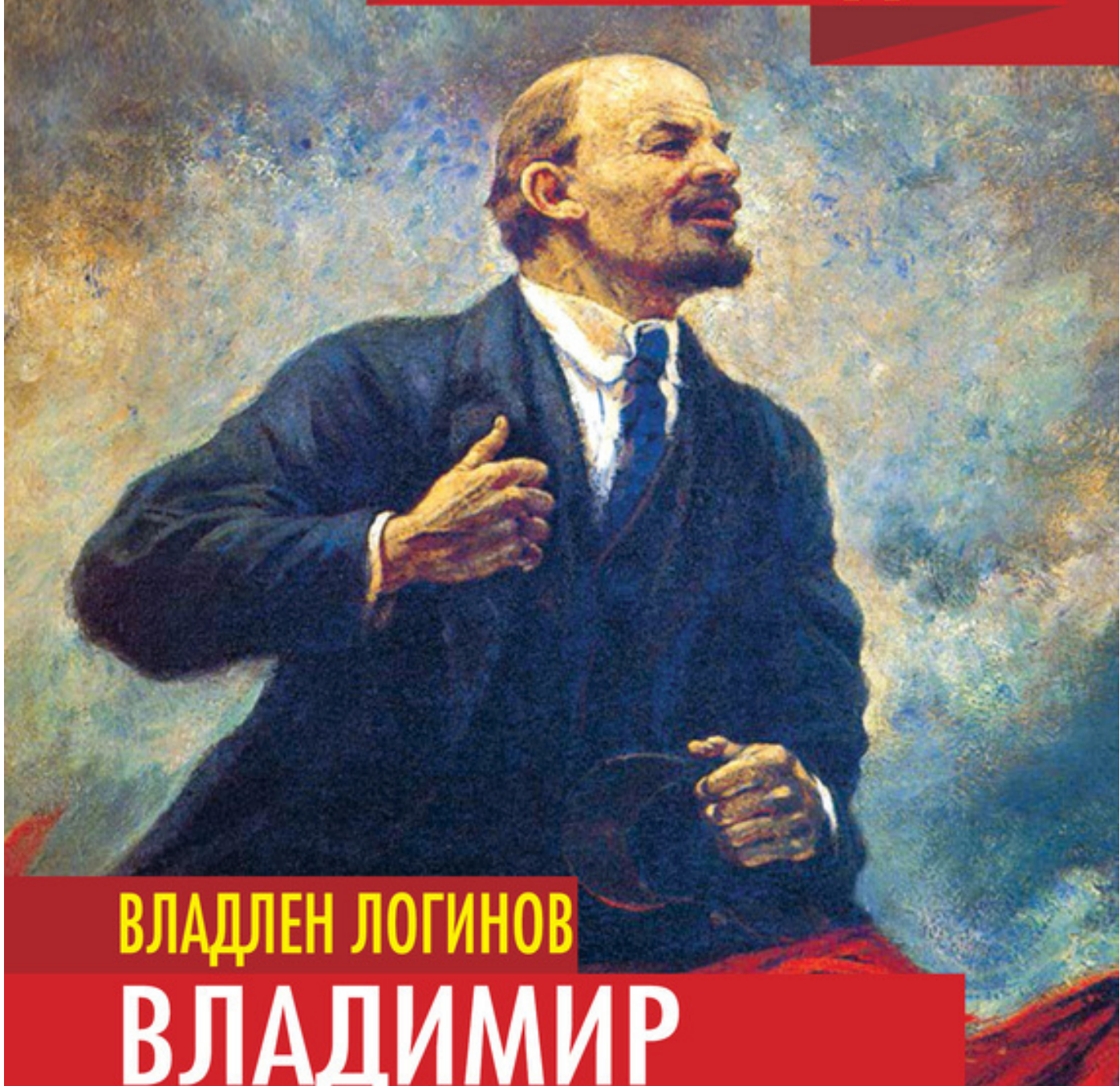

ЗА РОДИНУ!

ЗА ПОБЕДУ!

ВЛАДЛЕН ЛОГИНОВ

**ВЛАДИМИР
ЛЕНИН**

НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО

За Родину! За Победу!

Владлен Логинов

**Владимир Ленин. На
границы возможного**

«Алисторус»

2013

УДК 82-94
ББК 85.374

Логинов В. Т.

Владимир Ленин. На грани возможного / В. Т. Логинов —
«Алисторус», 2013 — (За Родину! За Победу!)

В 1917 году Россия находилась на краю пропасти: людские потери в Первой мировой войне достигли трех миллионов человек убитыми, экономика находилась в состоянии глубокого кризиса, государственный долг составлял миллиарды рублей. Россия стремительно погружалась в хаос и анархию. В этот момент к власти пришел Владимир Ленин, которому предстояло решить невероятную по сложности задачу: спасти страну от неизбежной, казалось бы, гибели... Кто был этот человек? Каким был его путь к власти? Какие цели он ставил перед собой? На этот счет есть множество мнений. Владлен Логинов, крупнейший российский исследователь биографии Ленина, избегает поспешных выводов. Портрет В. И. Ленина, который он рисует, портрет жесткого прагматика и волевого руководителя, – суров, но реалистичен. Факты и только факты легли в основу этой книги.

УДК 82-94
ББК 85.374

© Логинов В. Т., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Глава 1	5
«Я люблю свою профессию...»	5
«Штурм приближается!»	19
«План Мартова»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владлен Логинов

Владимир Ленин. На грани возможного

Глава 1

Возвращение

«Я люблю свою профессию...»

В 1902 году, когда Ленин и Крупская жили в Лондоне, они нередко заходили в тамошний зоопарк и, как рассказывала Надежда Константиновна, подолгу простаивали перед клеткой белого волка. Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, объяснил нам сторож. Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке — и день и ночь бьется о железные прутья решетки. Этого русского волка Крупская и вспомнила спустя 15 лет, зимой 1916/17 года, в Цюрихе...¹

«В половине февраля [1916 года], — пишет Крупская, — Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе...

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку. Объяснялось это тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел»².

Жилье сняли у семьи социал-демократа сапожника Каммерера в старом — чуть ли не XVI века — мрачном доме. Комната была длинной, неудобной, с окном, выходившим во двор. А так как в подвале работала еще и колбасная фабричка, то со двора воняло тухлятиной и форточку открывали только ночью. «Можно было, — пишет Надежда Константиновна, — за те же деньги получить лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами...

Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло...»³

Первые пару месяцев продолжали ходить к фрау Прелог обедать. После смерти в марте 1915 года Елизаветы Васильевны — матери Надежды Константиновны, они питались в Берне в дешевой (65 сантимов за обед) студенческой столовой. И после такой кухни еда венской поварихи очень нравилась. Публика, столовавшаяся у нее, была довольно пестрой. Тут была и больничная сиделка, и проститутка, и какие-то явно уголовные типы. «Очень скоро мы почувствовали, — пишет Крупская, — что попали... в самое что ни на есть цюрихское “дно”... Нас никто не стеснялся и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля». Но было очевидно, что тут «легко можно влипнуть в какую-нибудь дикуую историю»⁴, а для эмигрантов это было вдвойне небезопасно.

---

¹ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 118.

² Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 420.

³ Воспоминания о В. И. Ленине. В пяти томах. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 421.

⁴ Там же. С. 420, 421.

Поэтому от услуг фрау Прелог пришлось отказаться. Тем более что новая хозяйка, фрау Каммерер, умудрилась научить Надежду Константиновну тому, чему за все годы эмиграции не смогла обучить ее мать: как быстро, дешево и сытно готовить обед и ужин. «Однажды, – рассказывает Крупская, – во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: “Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!” После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату»⁵.

Иногда ходили в гости. В Берне, где рядом жили Зиновьевы, Арманд, Шкловские, это случалось чаще. Особенно привязался Владимир Ильич к Стёпке – сыну Зиновьевых. И в июне 1916 года, уже из Цюриха, Ленин писал: «...привет Стёпке, который, должно быть, так уже вырос, что к потолку подбросить я его не смогу!»⁶. Ну, а в Цюрихе заходили к Харитоновым, дочке которых в феврале 1917 года исполнилось лишь два годика.

В этот день – воскресенье 11 февраля (29 января) – Владимир Ильич и Надежда Константиновна загодя пошли покупать подарок. «В магазине игрушек, – рассказывал потом сам Ленин, – у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. “Купим вон ту красивую куклу”, – говорит Надя. “Нет, не пойдет, – отвечаю я, – не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее”. Продавец все подавал нам игрушки: тут были и зайцы, и кролики, и котята, и мячи и т. д. “Нет, – говорю, – все не то”. Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. “Вот, – говорю я Наде, – эту собачку мы и возьмем!”.

– Ну, какова? Нравится? – Владимир Ильич, вспоминает уже сама Харитонова, при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любуясь ею сам, что мы все пришли в восторг»⁷.

В обычные дни распорядок дня был достаточно однообразным. С 9 часов – библиотека. С 12 до 1 часа, когда ее закрывали на обед, шли домой. К 1 часу вновь возвращались в читальный зал и сидели там до шести, до закрытия. По четвергам, когда библиотека после обеда не работала, уходили на гору – Цюрихберг. «Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов... и мы шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал».

В общем, работал Владимир Ильич много. Здесь, в Цюрихе, он написал для очередных номеров «Социал-Демократа» и «Сборника “Социал-Демократа”» множество статей. Среди них – «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Империализм и раскол социал-демократии», «О “программе мира”», «О сепаратном мире» и др.

Огромное внимание уделял он регулярной переписке с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским и Московским комитетами, ссыльными большевиками в Сибири. Организовывал транспорт нелегальной литературы из-за границы в Россию. Поддерживал связь с лидерами интернационалистов европейских стран. Руководил деятельностью Бюро «циммервальдской левой». В апреле 1916 года участвовал в работе международной социалистической конференции в горной деревушке Кинталь. Выступал на интернациональных митингах и собраниях. Ездил с рефератами...

Список можно было бы многократно продолжить. Но это лишь перечень основных направлений его деятельности. А каждое из них слагалось из десятков больших и малых конкретных дел – важных и менее важных, интересных и скучных. От этих каждодневных дел,

---

⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 117.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256.

⁷ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. С. 361, 362.

бесчисленных писем, встреч, разговоров и выступлений можно было заработать, по меньшей мере, головную боль. В 1914 году, в письме к Инессе Арманд, у Ленина как-то вырвалось: «Ох, эти “делишки” подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!» И далее, по-французски, добавил: «Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу»⁸.

Конечно, писалось это, как он сам выразился – в состоянии крайней усталости «и в дурном расположении духа». Такое состояние, как, например, у Зиновьева, могло бы принять хронический характер, если бы... Если бы не было у Владимира Ильича своеобразной «отдушины». Если бы его рабочий день в библиотеке зачастую не заканчивался «философскими чтениями»...

Впервые он увлекся такого рода литературой еще в ссылке. Многие труды Гегеля, Фейербаха, Канта и «неокантианцев» были проштудированы им еще тогда. Работа над «Материализмом и эмпириокритицизмом» в 1909 году стала как бы «вторым прочтением» философской классики. Теперь он шел по «третьему кругу». Причем, как и прежде, диапазон был достаточно велик: от Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля до Гегеля, Канта, Фейербаха, Маркса, Энгельса и современных европейских философов.

Ленин переводит на русский язык и конспектирует их труды, выписывая иногда целиком многие страницы текста. Но менее всего он походил на ортодоксального адепта, восторженно внимающего великим учителям. «Великие кажутся нам великими, – записывает он девиз газеты «Парижские Революции» (1789–1794), – лишь потому, что мы сами стоим на коленях»⁹.

Странички его записей часто разделены по вертикали пополам. Слева – конспект, справа – не только реплики, но и размышления, спор с только что прочитанным. Тут и критические заметки в адрес Маркса и Энгельса¹⁰. И несогласие с теми или иными идеями Гегеля, Канта. Иными словами, это своеобразные диалоги с величайшими мыслителями.

К классикам он относился с глубочайшим уважением, старался понять не только суть идей, но и логику их размышлений. «Метко!», «Очень хорошо», «Замечательно!», «Глубоко верно!», «Прелестно сказано!» – это реплики на полях в адрес *материалиста* Фейербаха. «Гениальна основная идея», «Очень глубокая и верная мысль», «Остроумно и умно!», «Замечательно!» – а это об *идеалисте* Гегеле¹¹.

Центральное место в «философских тетрадах» занимает главное сочинение Гегеля «Наука логики». Ленин штудировал все три ее составные части – «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии», в которых анализируются законы, категории, элементы диалектики. И тут пометки его не всегда комплиментарны. Есть, в частности, среди них фраза, мимо которой не проходит ни один околофилософский «ленинород». В «Лекциях по истории философии» Гегель подвергает разностной критике древнегреческого материалиста и атеиста Эпикура. Выхватив у него фразу о том, что душа есть лишь «известное собрание атомов», Гегель, походя, ядовито замечает, что вся теория познания Эпикура – «скудна», а то, что он пишет об этом – «пустые слова».

В ответ на это Ленин пишет: Эпикур размышлял о тайнах мироздания за 2 тысячи лет до Гегеля. И многие его мысли «это гениальные догадки», определившие позднее «пути *науке*». По существу «Гегель обошел теорию познания Эпикура и заговорил о *другом*, чего Эпикур здесь не касается... Все будет [скудно], если исказить и обокрасть... Гегель просто *ругает* Эпикура». Это не что иное, как «клеветы на материализм».

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 285.

⁹ Там же. Т. 29. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 23, 33.

¹¹ Там же. С. 59, 60, 63; 81, 98, 131, 237.

И когда Гегель еще и еще раз в этой опубликованной работе пишет, что размышления Эпикура – «жалкие мысли», ибо нет в его картине мира места для бога, для «мудрости творца», Ленин срывается, как срывается болельщик, когда его любимый нападающий с десяти шагов бьет мимо ворот. И на полях конспекта, после нескольких десятков реплик – «Замечательно верно и глубоко», «Очень верно и важно», «Очень хорошо и образно», «Умно и остроумно» появляется запись: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!»¹². Это никогда не предназначалось для печати и было лишь сугубо личным эмоциональным выражением досады на великого и почитаемого философа, позволившего себе столь мелкое высокомерие.

Что же касается отношения к Гегелю, то в этих же пометках Владимир Ильич пишет: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Гегелевский идеализм «подошел вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*»¹³.

Читая записи Владимира Ильича, лишний раз убеждаешься, что философия – это культура сомнения и созидания. Но и в том и в другом случае она антидогматична. Поэтому вывод Владимира Ильича парадоксален: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* – это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, *всего больше* материализма. “Противоречиво”, но факт!»

И совсем, казалось бы, крамольное для ортодоксального уха: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды... Различие идеального от реального тоже не безусловно»; «...мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его». Иными словами, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». А посему, пишет Ленин в другом месте, «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹⁴.

Знал бы он, что пройдет два десятка лет и все эти «гегелевские штучки» будут выведены официальными «теоретиками» за рамки – упрощенной для всеобщего понимания – марксистской философии в силу их «непонятности», а диалектика – важнейший инструмент познания действительности – частенько превратится в схоластику, в умение уйти от ответа и запутать самый простой вопрос.

Так что Владимир Ильич в свое время справедливо заметил: «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется»¹⁵. Тогда, в 1916 году, Ленин записал: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его 1 главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса У века спустя!!»¹⁶

Гегель действительно сложен, и сам Владимир Ильич иногда помечает: «Темна вода!», «Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»¹⁷ Но, как говорится, «лучше с умным потерять, чем с дураком найти». Только глупый человек может испытывать дискомфорт от общения с интеллектуально превосходящим собеседником. Наоборот, для человека умного такой разговор – и школа ума, и удовольствие. Такой диалог устанавливает, как выражался Достоевский, столь «высокий градус» мысли, столь высокую интеллектуальную планку, что этот уровень мышления неизбежно проявляется и при переходе

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 263, 266, 267.

¹³ Там же. С. 248, 250.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 104, 131, 194, 195, 215.

¹⁵ Там же. Т. 47. С. 219.

¹⁶ Там же. Т. 29. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 104, 158.

от триад Гегеля или монад Лейбница к решению тех самых «дел» и «делишек», которое обязан брать на себя человек, избравший «профессию» лидера.

Среди многих фраз и афоризмов, выписанных Лениным, есть одна, принадлежавшая Аристотелю: «Лишь после того, как все необходимое было налицо... люди начали философствовать»¹⁸. Так что, несмотря на удовольствие, получаемое от общения с великими мыслителями, о хлебе насущном надо было думать ежедневно.

В первый год войны проблемы «финансов» не было. В апреле 1913 года у Елизаветы Васильевны Крупской умерла в Новочеркасске сестра – О. В. Тистрова, классная дама, скопившая за 30 лет педагогической деятельности 4 тысячи рублей. Эту сумму, вместе с серебряными ложками, иконами, она завещала Елизавете Васильевне. Денежную часть наследства перевели в один из банков Кракова, где жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Однако, с началом войны – как имущество подданных враждебной страны – эти деньги подлежали секвестру. Лишь с помощью ловкого венского маклера, взявшего за услуги половину, оставшиеся две тысячи удалось получить. На эти деньги, вспоминала Крупская, они и жили¹⁹.

Однако уже в конце 1915 года Надежда Константиновна пишет М. И. Ульяновой: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о зарботке встает довольно остро... Надо думать о литературном зарботке»²⁰.

Как раз в это время Владимир Ильич завершил работу над книжкой «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в США». В ней анализировались новейшие статистические данные, полученные им из Америки. В начале 1916 года работа была отправлена в Петроград А. М. Горькому для ее легального издания. Туда же послали и объемистую брошюру Крупской «Народное образование и демократия», в которой европейская школа критиковалась за «обезличивание ученика» и подавление его способности к самостоятельному мышлению.

Владимир Ильич принялся за продолжение своего исследования, за второй выпуск – о земледелии Германии и Австро-Венгрии. Но вскоре выяснилось, что эту работу следует отложить, ибо есть более реальный и срочный заказ.

В конце 1915 года Горький написал в Париж Михаилу Покровскому, что петроградское издательство «Парус» намерено выпустить серию брошюр «Европа до и во время войны». И Алексей Максимович предлагал большевикам-эмигрантам взять авторскую работу на себя. Предложение приняли: Покровский и Лозовский должны были писать о Франции, Ротштейн – об Англии, Луначарский – об Италии, Ларин – о Германии, Зиновьев – об Австро-Венгрии, Павлович – о внеевропейских странах. «Но сразу, – вспоминал М. Н. Покровский, – стал вопрос о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии: брошюре об империализме. И ясно было с первого же взгляда, что кроме Ленина некому ее писать»²¹.

Владимир Ильич согласился, ибо тема была для него не новой. Еще в шушенской ссылке он штудировал новейшую литературу об эволюции современного капитализма. Писал об этом статьи. В 1904 году переводил книгу Д. А. Гобсона «Империализм». А оказавшись вновь в Швейцарии, приступил к изучению данного круга проблем в бернских, а затем цюрихских библиотеках. Поэтому уже 11 января 1916 года Ленин написал Горькому: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме»²².

Объем работы, проделанной им, трудно учесть – среди новейшей литературы было множество дилетантского хлама, который отбрасывался сразу. Но в 20 «Тетрадах по империа-

---

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С. 82.

¹⁹ См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 396.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 454.

²¹ Покровский М. Н. Октябрьская революция. Сб. статей. 1917–1927. М., 1929. С. 67.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 170.

лизму» содержались выписки: из 148 книг (в том числе 106 на немецком языке, 23 – на французском, 17 – на английском и 2 в русских переводах); из 232 статей (206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских, 8 английских)²³.

В июне 1916 года работа «Империализм, как новейший этап капитализма» была завершена. Пожалуй, главная трудность заключалась в том, чтобы уложить собранный материал в рамки пятилистной книжки, сохраняя при этом легальность и популярность жанра. И когда издатели, вопреки прежней договоренности, потребовали – по примеру других брошюр – сократить объем работы до трех листов, Владимир Ильич отказался. «Весь материал, план и большая часть работы, – пишет он Покровскому, – были уже окончены по заказанному плану на 5 листов (200 страничек рукописных), так что сжать еще раз до 3-х листов было абсолютно невозможно... Подзаголовок “Популярный очерк” безусловно необходим, ибо ряд важных материй изложен применительно к такому характеру работы... Из всех сил применялся к “строгостям” [цензуре]: трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!»²⁴

2 июля он посылает рукопись заказной бандеролью Покровскому во Францию. И как раз именно в это время болезнь Крупской, ее, как она выражалась, «базедка», вновь обострилась и надо было немедленно ехать в горы. Буквально через несколько дней они отправились в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха, и поселились километрах в восьми от станции Флумс, в доме отдыха Чудивизе, совсем близко к снежным вершинам.

«Дом отдыха, – вспоминала Надежда Константиновна, – был самый дешевый, 2½ франка в день с человека... Утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед – молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером еще что-нибудь молочное. Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве.

Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок»²⁵.

Они много гуляли по горным тропам. Владимир Ильич обговаривал свои статьи, а потом садился и записывал их. Самочувствие Надежды Константиновны значительно улучшилось, и они уже думали о возвращении в Цюрих²⁶. Но пришло печальное известие...

25 (12) июля 1916 года, на даче в Больших Юкках, близ финской границы, на руках у Анны и Марии, на 82-м году жизни скончалась мать – Мария Александровна Ульянова. Тело ее перевезли в Петроград и похоронили рядом с могилой дочери Ольги. Гроб несли Марк Елизаров и Владимир Бонч-Бруевич. Владимир Ильич наверняка вспомнил, как за четверть века до этого, 10 мая 1891 года, он шел за гробом Ольги, поддерживая под руку тихую, натянутую, как струна, мать. Они шли «молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого

²³ Там же. Т. 28. С. VIII.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256, 259.

²⁵ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 426.

²⁶ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 189.

человека]... Когда идешь за покойником, – писал тогда Владимир Ильич, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления...»²⁷

Вот и теперь, получив известие о смерти матери, он не стал никому сообщать об этом. Ему не хотелось слушать ни слов сожаления, ни слов сочувствия. Владимир Ильич написал лишь два письма сестрам в Питер и «видно было, – вспоминала Анна Ильинична, – какая тяжелая это была для него утрата, как больно он ее переживал и сколько нежности проявил к нам, тоже подавленным этой кончиной»²⁸.

Психологи знают – наилучший выход из стрессового состояния дает работа. Поэтому в Цюрих решили пока не возвращаться, а остаться здесь – в Чудивизе. «В доме отдыха, – пишет Крупская, – где цена за содержание 2 % франка с человека, “порядочная” публика не селилась». А от швейцарских трудяг, с их сдержанностью и тактом, можно было не опасаться ни досужих расспросов, ни навязчивых собеседников.

И опять они бродили вдвоем по безлюдным горным тропам. И вновь он обговаривал свои статьи. Потом, вернувшись, сел к окну и убористым почерком записывал их. Дом был старый, деревянный, со скрипучими ступеньками. А под окном, по вечерам, «хозяйский сын играл на гармонии и отдыхающие плясали во всю. Часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих»²⁹. Но беспокоило совсем не это...

В августе Юрий Пятаков, которому в те дни исполнилось 26 лет, прислал статью «Пролетариат и “право наций на самоопределение...”». Владимир Ильич был рад, когда Пятаков и Евгения Бош, бежавшие из сибирской ссылки через Японию и США, в феврале 1915 года появились в Берне. Вместе с Лениным «японцы» стали издавать журнал «Коммунист». Но вскоре стало очевидным, что по ряду вопросов их позиции расходятся. Началось выяснение отношений. И присланная Пятаковым статья показала, что «молодые» абсолютно не воспринимали критики, а часто и не вполне понимали ее. «Говорим мимо друг друга»³⁰, – заметил Владимир Ильич. Было в этом что-то от молодости, но гораздо больше – от теоретического дилетантизма.

Если суммировать статьи и письма Ленина и его оппонентов, то суть разногласий состояла в следующем...

То, что в империалистическую эпоху рамки демократических свобод, как правило, суживались – признавали обе стороны. Используя экономическую зависимость и подавленность массы населения, буржуазия умело манипулирует голосами избирателей. Добиваясь необходимых ей решений, она – и прямо и косвенно – подкупает государственных чиновников и само правительство, протискивая тем самым все и всякие «права человека».

Никто не отрицал и того, что в начале XX столетия под видом «защиты отечества» ведутся, как правило, войны за передел сфер влияния. И уж тем более все понимали, что за тягой угнетенных народов к самоопределению зачастую скрывалась эгоистическая политика национальной буржуазии, стремление к стравливанию различных национальностей, а также мещанское убеждение в том, что «наши клопы – лучшие в мире!»

Но значит ли это, как полагал Пятаков, что из факта «неосуществимости» полной демократии в эпоху империализма вытекает отрицание демократии как таковой? Что из факта корыстности национальной буржуазии вытекает отрицание борьбы за самоопределение наций? И значит ли, что понимание сути происходящей империалистической бойни ведет к отрицанию всяких войн вообще? На все три вопроса Ленин дает отрицательный ответ. Он решает

---

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 346–347.

²⁸ Там же. Т. 55. С. XXX.

²⁹ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 426.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 346.

опубликовать статью Пятакова в «Сборнике “Социал-Демократа”» № 3, сопроводив ее своей статьей «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”».

«Революционной социал-демократии, – пишет Ленин, – никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует». Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду», когда на то или иное теоретическое положение марксизма, «*кроме* прямых и серьезных врагов... “набрасываются” такие друзья, которые безнадежно его компрометируют – по-русски: срамят – превращая его в карикатуру»³¹.

Проблема Пятакова – непонимание диалектики жизни. «Он хочет отрицание защиты отечества превратить в *шаблон*, вывести *не* из конкретно-исторической особенности *данной* войны, а “вобще”. Это не марксизм»³². Ленин поясняет: «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя». Он уточняет: «Мы вовсе не против *вообще* “защиты отечества”, не против *вообще* “оборонительных войн”. Никогда этого вздора ни в одной резолюции (и ни в одной моей статье) *не* найдете. Мы против защиты отечества и обороны в *империалистической войне*...»³³

Если с *обеих* сторон, как это было в древности между Римом и Карфагеном, а теперь – между Англией и Германией, целью войны является грабеж: борьба за колонии, за рынки и т. п., тогда отношение к войне подпадает под правило: если «2 вора дерутся, пусть оба гибнут»³⁴. А чтобы спасти от неизбежной гибели в такой войне миллионы людей, необходимо повернуть оружие против зачинщиков этой бойни. Против правительства *своей* страны.

В нашей нынешней «исторической публицистике» довольно часто (иногда по незнанию, но, как правило, по умыслу) подменяют «поражение своего правительства» – «поражением России». Между тем, «поражение правительства», а проще – его свержение означает совершенно иное.

Даже из школьного курса истории известно, что «поражение правительства», т. е. свержение короля в 1793 году во Франции стало прологом к триумфальному шествию революционной французской армии по Европе. Да и Гучков с офицерами-заговорщиками, намеревавшийся осенью 1916 года добиться насильственного отречения Николая II и отставки его кабинета, тоже полагал, что это предотвратит поражение России.

Разница заключалась в том, что Гучков хотел использовать дворцовый переворот для продолжения войны. А большевики видели в свержении правительства возможность революционного выхода из кровавой бойни. Ибо «всякий победный шаг революции спасет сотни тысяч и миллионы людей от смерти, от разорения и голода»³⁵.

Причем речь шла, подчеркивал Ленин, не о «саботаже войны», не об убийстве царских министров, подобно тому, как в октябре 1916 года Фридрих Адлер застрелил австрийского премьера. Такого рода акции, считал Владимир Ильич, – вредны. Он был убежден, что «только массовое движение можно рассматривать как политическую борьбу... Не терроризм, а систематическая, длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды и агитации, демонстрации и т. д. и т. д... *против* империалистов, *против* собственных правительств, *против* войны – вот что нужно»³⁶.

И это должны делать, полагал Ленин, не только большевики России, интернационалисты «не одной только нации», а всех воюющих государств, как уже делают К. Либкнехт, Р. Люксем-

---

³¹ Там же. Т. 30. С. 77.

³² Там же. С. 65.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 288, 369.

³⁴ Там же. С. 370.

³⁵ Там же. Т. 31. С. 295.

³⁶ Там же. Т. 49. С. 14, 312, 313.

бург в Германии, Ф. Лорио, А. Гильбо во Франции, Д. Серрати, А. Грамши в Италии, Д. Маклин в Англии, Ю. Дебс в США и другие.

Но вместе с тем необходимо помнить, что в империалистическую эпоху могут быть и справедливые, оборонительные, революционные войны. И если, к примеру, вопрос стоит «о свержении чуженационального ига» – воевать надо. Так что «если во время войны, – заключает Владимир Ильич, – речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов “защита отечества”, когда они относятся к этого рода войне или восстанию»³⁷.

Что касается демократии, то и при империализме нельзя отрицать «возможность полнейшей демократии внутри нации богатейшей *при сохранении* ее господства над нациями зависимыми. Так было в древней Греции, – поясняет Ленин, – на почве рабства». Но главное, «социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии». И даже диктатура пролетариата «вполне совместима с демократией полной, всесторонней... (вопреки вульгарному мнению)»³⁸.

Конечно, все «разговоры о “правах” кажутся смешными во время войны, – пишет Ленин, – ибо всякая война ставит прямое и непосредственное насилие на место права...» Именно мировая война, утверждает он, породила «эпоху штыка»: «Это факт, значит, и таким оружием надо бороться». Но при этом надо всегда помнить, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Поэтому, когда Пятаков и его ужасно левые друзья, отвергая право наций на самоопределение, заявили, что надо ориентироваться на экономическую целесообразность, а «воля и симпатии населения» являются «исторически неправомерной сентиментальностью», Ленин ответил, что подобные взгляды не имеют никакого отношения к марксизму и являются ничем иным, как «империалистическим экономизмом». «...Неловко разжевывать азбуку марксизма, – заключает Владимир Ильич, – но как же быть, когда П. Киевский [Ю.Пятаков] не знает ее?»³⁹

Прошел месяц их пребывания в Чудивизе. Никаких сведений о судьбе брошюры об империализме не поступало. Лишь в начале августа выясняется, что рукопись задержана французской цензурой. Цензоров, видимо, насторожило обилие немецких источников и статистических данных («ах, эти немцы! – шутливо замечает Владимир Ильич, – ведь они виноваты в пропаже! Хоть бы французы победили их!»⁴⁰). Пришлось заново переписывать 200 страниц и еще раз отправить их, используя на сей раз конспиративные каналы связи «Социал-Демократа»⁴¹.

После шестинедельного пребывания в горах Надежда Константиновна совсем поправилась. И в начале сентября решили вернуться в Цюрих. В Чудивизе существовал свой обычай проводов. Часов в шесть утра звонил колокол, собирались отдыхающие и «пели прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет, – пишет Крупская, – кончался словами: “Прощай, кукушка!”». Вот и в это утро все «санаторы» собрались на проводы двух русских и спели традиционную «кукушку». «Спускаясь вниз через лес, – продолжает Крупская, – Владимир Ильич вдруг увидел белые грибы и, несмотря на то, что шел дождь, принялся с азартом за

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 288, 324; Т. 30. С. 262.

³⁸ Там же. Т. 30. С. 128, 386; Т. 49. С. 380.

³⁹ Там же. Т. 30. С. 68, 69, 122, 127; Т. 49. С. 27.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 274.

⁴¹ Там же. С. 265, 266, 274.

их сбор... Мы вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Запоздали, конечно, к поезду, и пришлось часа два сидеть на станции в ожидании следующего...»⁴²

В Цюрихе выяснилось, что рукопись об империализме в Питере получена, но издательские редакторы, среди которых преобладали меньшевики, вычеркнули всю полемику с Каутским и Мартовым. И это было уже не обычной литературной редакцией, на которую Владимир Ильич дал полное согласие, а вторжением в авторский замысел, продолжением тех политических «игр», точнее – склок, в которые нередко превращалась полемика большевиков с меньшевиками и наоборот.

«Исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить с *нами* прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности», – заметил как-то Ленин по иному поводу в письме Инессе Арманд. А в другом письме о такого рода «играх» – еще круче: «Кто *прощает* такие вещи в политике, того я считаю дурачком или негодяем. *Я их никогда не прощу*. За это бьют по морде или отворачиваются. Я сделал, конечно, второе. И не раскаиваюсь»⁴³.

Но вся эта «резкость слов» лишь в письмах самым близким. А когда Покровский, испытывая чувство вины за то, что не отстоял ленинской рукописи, написал, что, видимо, при встрече Владимир Ильич вполне заслуженно «вздует» его, Ленин ответил: «Грустно! Ей-ей, грустно... Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: *мы*, издательство, удалили критику Каутского... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но... Пускай издатель отвечает за сокращения, а не я. Вы пишете “не вздуете?”, т. е. я Вас, за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увy, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела... Шутки в сторону, а грустно, черт побери...»⁴⁴

Утешением могло бы стать письмо от 12 октября 1916 года, которое Покровский получил от Горького, прочитавшего рукопись Ленина: «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!»⁴⁵. Но об этом письме Владимир Ильич ничего не знал. И отсутствие вестей о высылке гонорара все более беспокоит его. В октябре 1916 года Ленин просит Александра Шляпникова «нажать» на Горького и добавляет: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем... Это вполне серьезно, вполне, вполне»⁴⁶.

Н. Валентинов иронизировал по поводу этого письма: мол, на издание нелегальной партийной литературы, на ее транспорт в Россию деньги были! «Неужели же Ленин... предпочел бы “поколеть”, но не коснуться денег, предназначенных для печатания творимых им “тезисов” и “директив”? Предположение настолько и абсурдно, и смешно, что немедленно отпадает»⁴⁷.

Для читателя, наблюдающего нравы нынешней политической элиты, эта «тонкая» ирония может показаться вполне убедительной: иметь доступ к партийной кассе и не запустить туда лапу?? Такого не может быть... Оказывается – может. Другие, видимо, были времена и уж точно – другие люди.

Ленин строго различал – «партийные деньги» и «личные финансы»⁴⁸.

Из партийной кассы он – как член ЦК, редактор ЦО – получал установленную «диету» – 200–300 франков (115–172 рубля). Но для эмигрантской жизни этого было недостаточно. Зиновьев в Берне подрабатывал в одной из университетских лабораторий. Ленин всегда стремился дополнить семейный бюджет литературным гонораром.

⁴² Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 427.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 331, 341.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 344.

⁴⁵ Журнал «Вопросы истории». 1969. № 2. С. 29, 30.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 302.

⁴⁷ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 347.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 215, 217, 303, 367 и др.

Этот, на первый взгляд, не столь уж существенный вопрос – о средствах, которыми располагал Владимир Ильич в данный период, приобрел особое значение в связи с другой специфической проблемой: так называемого «немецкого золота». Сюжет этот всячески эксплуатировался противниками большевиков, утверждавших, что благодаря финансовой поддержке Германии Ленин и его сторонники, если и не купались в золоте, то уж, во всяком случае, никакого недостатка в деньгах не испытывали.

В вышедшей недавно книге Геннадия Соболева «Тайна “немецкого золота”», проблема эта – в который уже раз! – обстоятельно проанализирована. Соболев вновь доказал, что речь идет о грандиозной провокации. Назвал ее заказчиков. Указал заплаченную исполнителям цену. Казалось бы, можно и не возвращаться к данной теме. Но, увы, нам придется еще и еще делать это, ибо поток клеветнической литературы не иссякает. И дело здесь не в трактовке тех или иных документов, а исключительно в чрезмерной «политизированности» авторов.

Политическая ангажированность и связанная с нею приверженность заданной концепции способны сыграть злую шутку даже с опытными исследователями.

Еще в 1931 году известный историк-эмигрант Г. В. Вернадский выпустил в США книгу – «Ленин – красный диктатор». В ней, в частности, он опубликовал некий отчет французского детективного бюро «Бинт и Самбин» управляющему зарубежного представительства российского Департамента полиции о том, что 28 декабря 1916 года Ленин приехал в Берн, «вошел в здание германского посольства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих». В 1998 году эту книгу издали в Москве. И с тех пор данный «факт» прочно вошел в нашу «антিলениниану», хотя сам Вернадский не только не смог указать на источник его происхождения, но и оставил вопрос о степени достоверности «документа» открытым⁴⁹.

О «французских» документах и роли французской разведки во всей истории с «немецким золотом» сейчас известно достаточно полно и мы еще вернемся к данному сюжету⁵⁰. Геннадий Соболев прав: «...судя по тому, что данный факт не нашел никакого отражения в опубликованных документах МИД Германии, скорее всего это только “домысленный факт”...»⁵¹

Нам остается лишь добавить факт реальный: именно 28 декабря Ленин провел не в германском посольстве в Берне, а в цюрихском полицейском управлении, где оформлял продление срока своего пребывания в Цюрихе. И факт этот зафиксирован документами абсолютно бесспорными. Именно здесь, когда чиновник сунул ему стандартный «Опросный лист для лиц, уклоняющихся от военной службы», Владимир Ильич написал: «Я не дезертир. Я политический эмигрант после революции 1905 года в России»⁵².

В 1996 году в США вышла книга «Неизвестный Ленин». Ее автор, известный историк Р. Пайпс, утверждает, что он нашел, наконец-то, подтверждение «контактам Ленина с германцами». Вот оно: в письме Арманд 19(6) января 1917 года Владимир Ильич пишет: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой»⁵³.

Читая эти строки, невольно испытываешь чувство сожаления по отношению к Пайпсу. Ведь достаточно было поставить это письмо в контекст всей давно опубликованной переписки, чтобы понять, о чем идет речь. 16 (3) января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, заняли бы французы. Что касается Цюриха, где жил Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо

⁴⁹ Вернадский Г. В. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 135.

⁵⁰ См. статью С.С.Поповой.: «Французская разведка ищет “германский след”» в сб. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.

⁵¹ Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». Спб. – М., 2003. С. 58.

⁵² В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. М., 1973. С. 583.

⁵³ The Unknown Lenin. From the secret archive. Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996. P.34.

подобная «война невероятна». Инесса ответила, что Владимир Ильич недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а посему надо думать о переезде. Вот Ленин и пишет ей 19 (6) января: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». На следующий день, 20 (7) января он вновь повторяет, что всерьез опасаться войны на территории Швейцарии нет оснований. Так что совсем не о связях с немцами шла здесь речь. И предположение Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным.

Кстати, письмо Ленина 16 (3) января дает реальное представление о том, какими средствами располагали в это время большевики. «...Партийную кассу, – пишет Владимир Ильич Инессе, – я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее *на себе*, в мешочке, сшитом для сего...)»⁵⁴ Представьте себе хрупкую Инессу, таскающую «на *себе*» партийную казну... И вам станет жалко – но не Арманд, а тех, кто пишет о «золотом дожде», пролившемся на большевиков.

Вернемся, впрочем, к «личным финансам» Ленина и «теткиному наследству»...

Позднее, в июле 1917 года, в Питере, при попытке арестовать Ленина, у Крупской изъяли ее чековую книжку Азовско-Донского банка № 8467 на сумму в 2 тысячи рублей. И Надежда Константиновна написала, что это и был остаток теткиного наследства. Как же так? – «ловит» ее Валентинов. – Всю войну жили на эти деньги, а остаток равен начальной сумме?! «Никакая “диалектика”, – ядовито замечает он, – не отменяет арифметику»⁵⁵.

Ссылаясь на упоминавшееся письмо Ленина Шляпникову, Валентинов пытается дать психологическую характеристику Владимира Ильича, его «испуга», «растерянности», «паники», «страха перед дороговизной» и т. д. «Ленин в домашних туфлях, – иронизирует он, – совсем не похож на бога с Олимпа»⁵⁶. Характеристика эта могла бы быть забавной, если бы... Если бы, желая во что бы то ни стало «изобличить», Валентинов не игнорировал – и вполне сознательно – другие факты.

Всячески препарируя переписку Ленина с родными, Валентинов как раз избегает прибегнуть к простейшему арифметическому действию: сложению всех сумм, приходивших с конца 1916 года в Цюрих от *петроградских издателей* за «Империализм», «Капитализм и земледелие в США» и брошюру Крупской «Демократия и просвещение».

Итак, складываем: 374 франка + 869 + 500 + 808 + 500 франков⁵⁷. Получается более трех тысяч франков. И это – не считая аванса, полученного от издательства Бонч-Бруевича⁵⁸. Заметим, кстати, что в переписке прямо указано, что деньги эти переводились на текущий счет именно в Азовско-Донском банке⁵⁹. Так что Валентинов прав: никакая «диалектика» действительно не может отменить арифметики. И как говаривал в таких случаях герой средневековых фаблио монах Горанфло: даже самое блестящее остроумие бессильно против фактов. Впрочем, Ленин формулировал это жестче: «Сплетней факта не перешибешь»⁶⁰.

Было бы нелепым полагать, что он углублялся в философию ради собственного душевного комфорта. В сложное, казавшееся многим непонятным время, он хотел написать работу «О диалектике», которая помогла бы распутать противоречия новой эпохи. И свои книги о капитализме в земледелии, а уж тем более об империализме, Владимир Ильич писал отнюдь не ради сиюминутного заработка. Значимость темы он прекрасно понимал. Любой политик-интеллектуал, размышлявший о будущем мира и человечества, должен был прежде всего разобраться в «сущности империализма».

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367, 372.

⁵⁵ Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 345.

⁵⁶ Там же. С. 349.

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 338, 343, 360; Т. 55. С. 365, 367, 368.

⁵⁸ См. там же. Т. 55. С. 365.

⁵⁹ См. там же. С. 368.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 308.

Из книги Гобсона Владимир Ильич выписал примечательную фразу: «Новый империализм по существу ничем не отличается от своего древнего образца (Римская империя)... Он такой же *паразит*... Претензия, будто *империалистическое* государство, насильственно подчиняя себе другие народы и их земли, поступает так для того, чтобы оказывать покоренным народам услуги... заведомо *ложна*: оно вовсе не собирается оказывать равноценных услуг, да и неспособно оказывать их... Но законы природы, обрекающие *паразитов* на гибель, приложимы не только к индивидуумам, но и к нациям. Сложность процесса и маскировка сути дела могут *замедлить, но не отворотить гибель*»⁶¹. Но подобного рода «пророчества», определявшие далеко идущие политические выводы, надо было всесторонне обосновать, десятки раз проверив и перепроверив все аргументы «pro et contra».

Владимира Ильича интересовали прежде всего факты, касающиеся концентрации производства и капитала; слияния банковского капитала с промышленным и создания финансовой олигархии; вывоза капитала; образования международных монополистических союзов; окончания территориального раздела мира крупнейшими державами и борьбы за его новый передел.

Делая обширные выписки, Ленин иногда сопровождает их пометками на полях. Чаще всего это: «Хорошо сказано!», «Верно!», «Хороший пример!», «Оригинально!», «Можно и должно взять цифры и факты, но не рассуждения...»⁶² Но порой именно «рассуждения» вызывают пометки иного рода: «Хороший очерк материала. Точка зрения – апологета буржуа, тупого, довольного, самодовольного... Факты подобраны недурно» – это о работе профессора Лифмана о картелях и трестах; о другой монографии того же Лифмана – «Автор – махровый дурак, как с торбой взявшийся с дефинициями – преглупыми... Ценны фактические данные, большей частью совсем сырые»; о другой книге другого автора – «Публицистика бойкая, архибойкая, но крайне поверхностная. Рассказ, болтовня, не более»⁶³.

А вот и совсем «неприличные» пометки: о книге Г. Шульце-Гевверница о немецком банковском капитале – «Тон ликующего германского империализма, торжествующей свиньи!!!»; о его же работе об английском капитализме – «Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист, – собрал некоторые очень интересные факты... и написал бойкую, не скучную книгу... Награбили, гг. англичане, дайте и нам пограбить, “освятив” грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой = вот суть позиции сего “ученого”!!!»⁶⁴ Конечно – грубо, ничего не скажешь. Но для инсинуаций на сей счет «ленинородов» – недостаточно. Ибо ни одна из этих пометок не предназначалась для стороннего глаза...

Что же касается текста книги, то в ней корректность была соблюдена вполне. Ну а к цензурным «строгостям» он научился приспосабливаться давно: с первых своих научных статей в толстых столичных журналах. Вот и в этом «популярном очерке» Ленин формулирует выводы, далеко выходящие за цензурные рамки.

Производство все более обобществляется, но присвоение остается частным. Национальное богатство становится собственностью кучки монополистов. Главная хозяйственная фигура – уже не «купец», удовлетворяющий спрос покупателей, а «гений» финансовых махинаций, проще говоря – спекулянт. Избыток капитала обращается не на благо народа, а вывозится за границу. Все это обостряет противоречия между олигархами и населением. А поскольку капитализм, делает вывод Ленин, решает противоречия «немирным путем», то и это противоречие будет разрешено «силой»⁶⁵.

⁶¹ Там же. Т. 28. С. 413–414.

⁶² См. там же. С. 65, 72, 92, 100, 110, 130, 162 и др.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 29, 200, 349.

⁶⁴ Там же. С. 34, 424.

⁶⁵ Там же. Т. 27. С. 321, 322, 360, 394 и др.

Конечно, легальность издания неизбежно оставляет за рамками этой работы многие выводы, которые он опубликует в нелегальных статьях: о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма; об объективных и субъективных предпосылках социалистической революции; о возможности ее победы первоначально в немногих и даже в одной стране. И, наконец, главный вывод: «На очередь дня, не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей – поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс...»⁶⁶

---

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 346.

«Штурм приближается!»

Вечером 7 апреля (25 марта) 1916 года Владимир Ильич пошел в Цюрихский городской театр, где в тот день – в обновленной постановке режиссера Родольфа и под управлением известного дирижера Конрада – исполняли музыкальную драму Рихарда Вагнера «Валькирия».

Классическую музыку Ленин любил с детства. Крупская писала, что был он музыкален, обладал хорошей музыкальной памятью, что «оперу любил больше балета» и в ряду других композиторов – «очень любил Вагнера». Музыка всегда «слушал серьезно», очень эмоционально. Поэтому «страшно уставал» и нередко «уходил после первого действия как больной»⁶⁷.

Но на сей раз он не ушел и в антракте разговорился с польским социал-демократом, большим любителем Вагнера – Владиславом Краевским⁶⁸. Беседу Владислав Германович, к сожалению, не записал. Впрочем, споры о творчестве этого великого композитора не умолкают и по сей день, ибо были в нем такие страницы, как драма-мистерия «Парсифаль», где отрешенность от всего земного сочеталась с мистической символикой и пафосом религиозного служения... Но были и совсем другие – утверждавшие красоту и радость бытия, величие человека, мощь его свободного духа.

В *революционном* пафосе усматривал главное начало эстетики Вагнера Александр Блок. «Новое время тревожно и беспокойно, – писал он. – Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем. Это будет уже не самодовольное ничтожество; это будет новый человек, новая ступень к артисту... Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации...»⁶⁹. Может быть, именно эти ассоциации и привлекали к Вагнеру симпатии Ленина...

Хорошо знавший Ленина меньшевик Федор Дан как-то заметил: «...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию»⁷⁰. Сказал это Дан в яростной полемике, в большом раздражении, и преувеличение было явным. Хотя немалая доля истины в этом утверждении, несомненно, присутствовала.

Но всегда ли так было?

С тех пор как около исторической науки сложилось направление, которое можно было бы назвать «лениноедством», нет книжки или статьи, где бы не говорилось о том, что Февральская революция 1917 года стала для Ленина полнейшей неожиданностью. Он якобы не только не ждал, но и был убежден в абсолютной ее нереальности, а посему даже готов был навсегда уехать чуть ли не в Америку... И главный аргумент в пользу данной версии – выступление самого Ленина 22 (9) января 1917 года в цюрихском Народном доме перед молодежью с докладом о революции 1905 года.

Со швейцарской молодежью он встречался не впервые. Некоторые из этих встреч огорчали его. Иногда молодые либо «явно не клевали» на политику, когда Владимир Ильич заводил речь о войне, либо не шли дальше той пошлой истины, что «стену, мол, лбом не прошибешь»⁷¹. Поэтому, когда вокруг 24-летнего секретаря правления социал-демократической

---

⁶⁷ Воспоминания о В. И. Ленине. Т.1. С. 598.

⁶⁸ См.: Дрейден С. Д. В зрительном зале – Владимир Ильич. Новые страницы. М., 1970. С. 236, 237, 241.

⁶⁹ Блок А. Собр. соч. в 12 томах. М.-Л., 1936. Т. 8. С. 59.

⁷⁰ Воспоминания о В. И. Ленине. Т.1. С. 179.

⁷¹ Там же. С. 424, 427.

партии Швейцарии Фрица Платтена сложилась группа молодых интернационалистов, Ленин с удовольствием стал общаться с ними в Кегельклубе.

Рассказывая им о 1905 годе, он заявил, что эта русская революция является прологом к грядущей европейской, то есть мировой революции, которая освободит «человечество от ига капитала». И добавил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...»⁷². Если вспомнить, что Ленину в тот момент не исполнилось и 47 лет, то фраза о «стариках» звучала достаточно иронично. Но дело даже не в иронии...

В конце 1916 года он написал для газеты молодых интернационалистов статью «Военная программа пролетарской революции». Содержание ее, видимо, не раз обсуждалось с Платтенном, Вилли Мюнценбергом и другими. В статье формулировался «не преложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах»⁷³. И между победой революции в одной стране и классовыми сражениями в других – лежит целая историческая эпоха.

До «решающих битв» мировой революции Ленин действительно не дожил. Но в том, что новая революция близится – он как раз не сомневался. «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе, – сказал он в том же выступлении 22 (9) января 1917 года. – Европа чревата революцией». При этом он имел в виду и Россию. И речь в данном случае шла не о сугубо личном *прозрении*, а о достаточно распространенном в российском обществе убеждении, которое разделяли как сторонники революции, так и ее противники.

После поражения первой русской революции вопрос этот постоянно обсуждался и в прессе, и в Государственной думе, и в правительственных верхах. Когда, начав реформы, Петр Аркадьевич Столыпин провозгласил, что его главная цель – уберечь страну от «великих потрясений», дать России хотя бы «20 лет покоя», такая возможность казалась вполне вероятной. Если бы Столыпину удалось хоть как-то решить стоявшие перед страной проблемы, – и прежде всего аграрный вопрос, – это вполне могло бы стать реальностью. Ленин, как и другие политические деятели России, поначалу несколько не исключал вероятности подобного варианта развития⁷⁴.

Но этого не случилось...

Как же так? Нынешняя историческая публицистика пытается убедить нас в том, что накануне Первой мировой войны, набрав беспрецедентные темпы развития, страна вошла в один ряд с наиболее развитыми державами мира. И на сакраментальный вопрос – «Какую Россию мы потеряли?» – дается предельно ясный ответ: «процветающую» и «благостную».

В самом деле, гордиться было чем. Значительно возросли производство зерна, добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, протяженность железных дорог, численность учащихся. Проценты роста действительно небывалые... Но у цифр есть своя магия. «Если нищему, имеющему три копейки, – иронизировал по этому поводу Ленин, – вы дадите пятачок, увеличение его «имущества» сразу будет «громадное»: на целых 167 %». Но надо сравнивать «не сегодняшний наш пятачок со вчерашним нашим алтыном, а данные, сравнивающие то, что мы имеем, с тем, что *необходимо* цивилизованному государству...». Иначе это будет «глупой казенной игрой в цифирьки...»⁷⁵

Статистике сегодня мало кто верит, и на то есть причины. Но почитайте вышедшую в 1915 году в Петрограде книгу «Северо-Американские соединенные штаты и Россия». В ней не проценты, а цифры производства на душу населения. Так вот, будучи крупнейшим экспортером зерна, Россия производила его «на душу» почти вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины и вдвое – США. Иными словами, страна вывозила хлеб за счет недоедания соб-

---

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327, 328.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.

⁷⁴ См. там же. Т. 16. С. 423; Т. 17. С. 31.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 20, 125, 126.

ственного населения. Столь же удручающими были и другие цифры. По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в 5 раз. По добыче угля – более чем в 17 раз, нефти – более чем втрое, по выплавке стали – более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог – более чем в 6 раз, по числу учащихся – почти втрое. И все это без пересчета на душу населения.

Экономический рост хорош тогда, когда он приносит с собой заметные результаты для всего народа. Если же социальная система сохраняет прежние архаические формы, экономический рост лишь увеличивает разрыв в доходах, делает его более зримым и тогда надежды на стабилизацию становятся мыльным пузырем. До каких пор его можно раздувать и когда он лопнет – это уже другой вопрос.

Так что с «процветанием» было плохо. Не очень-то получалось и с «благодетельностью»... И тут многое определял вопрос о земле.

Вне зависимости от того, кто первым сформулировал правительственную аграрную программу, – Н. Х. Бунге, В. И. Гурко, С. Ю. Витте или А. В. Кривошеин, – Столыпин твердо знал, куда надо двигать российскую деревню. В молодости, будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, Петр Аркадьевич не раз навещался из своего родового поместья Колноберже в соседнюю Пруссию. Так что в преимуществах хуторской системы он убедился воочию.

Что думает по этому поводу сам «объект реформирования» – крестьяне, этого, естественно, в верхах никто всерьез не принимал. И традиция эта шла издавна. Как писал министр внутренних дел С. С. Ланской накануне «Великой реформы» 1861 года, «Высочайшая воля так ясно выражена в рескрипте... что вовсе неуместно было бы допускать крестьян к изъяснению согласия или несогласия на ее исполнение»⁷⁶. А между тем российская деревня имела свое представление о необходимых переменах и о справедливости. Связывалось оно, совершенно независимо от пропаганды левых партий, не с идеей частной собственности на землю, а прежде всего с ликвидацией помещичьей собственности, с «черным переделом».

Это несоответствие представлений о «добре и зле», о желаемой цели и привело к тому, что главным инструментом реформ и столыпинского «умиротворения» стало насилие. К масштабам этого насилия, сравнивая его с некоторыми страницами последующей истории, сегодня относятся несколько иронически. Подумаешь, 1102 человек казнили военно-полевые суды в 1906–1907 годах; 2694 человек повесили в 1906–1909 годах по приговору военноокружных судов; сколько-то тысяч расстреляли без всяких судов карательные экспедиции Ренненкампа, Меллер-Закомельского, Орлова; 23 тысячи отправили на каторгу и в тюрьмы; 39 тысяч выслали без суда; сотни тысяч подвергли обыскам и арестам. По сравнению с тем, что было *потом* – всего ничего... Но современникам-то приходилось сравнивать с тем, что было до того. А за предыдущие 80 лет казнили – в среднем – по 9 человек в год. И не случайно выдавший виды российский обыватель с горечью повторял: «Какое же сравнение! При Плеве много лучше было!»⁷⁷

Подлинными масштабы насилия проявились именно при проведении аграрной реформы. Для русского крестьянина основой всего его бытия, его отношений с Богом, государством, с помещиком и «миром» был общинный надел. И к этому мизерному клочку земли никак нельзя относиться лишь с сугубо рациональными мерками, как, скажем, к «способу землепользования».

Прежде, когда передел земли в общине происходил, как правило, раз в 12 лет, он каждый раз порождал самые драматические коллизии. Теперь, по закону 1908 года, передел производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться на хутор или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель в деревне. Между

⁷⁶ Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 56.

⁷⁷ Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С. 7.

губернаторами шло соревнование за процент «выделившихся», и они принуждали общинников силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов...

Что же получилось из этой реформы?

Прав был Карамзин, когда писал, что даже самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия... Прежде всего столыпинская земельная реформа приняла принципиально иное направление. Не выделение «трезвых и сильных» – на что надеялся Столыпин, не создание слоя «крепких хозяев», которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины в основном «пьяных и слабых», тех, для кого надел давно уже перестал быть источником существования. Из 15 млн. крестьянских дворов из общины вышли почти 26 %, т. е. четверть. Но им принадлежало лишь 16 % наделной земли. 40 % выделенной земли сразу продали. А 2,5 млн. хозяев лишь формально вышли из общины, т. е. укрепили свои наделы, но в составе общинных земель. Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед ней, реформа оказалась несостоятельной⁷⁸.

Оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне достаточной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т. е. жизни большинства населения России. Она сделала то, чего не смогла сделать даже революция 1905 года. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности, о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью.

Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома, переселявшихся за Урал, массовая продажа земельных полосок, новые переделы и новое землеустройство – все это создавало атмосферу неустойчивости, всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости, или, как выразился современник, «неотмщенные обиды» – по всем законам социальной психологии – рождали лишь злобу и ненависть. Это и стало одной из главных причин глубокого нравственного кризиса, в который была ввергнута Россия.

Сегодня нередко пишут о том, что кризис русской духовности и распад нравственных устоев якобы начался после революции 1917 года. Прочтите стенографические отчеты IV Государственной думы за 1913 год. Хотя бы прения по вопросу о «хулиганстве». Популярнейший и вполне лояльный журнал «Нива» так комментировал их:

«Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грозными волнами и наши столицы, и провинциальные города, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охвативший всю национальную психику. Великий полторастамильонный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, предопределявших весь строй его жизни и внутренних отношений, как бы *усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной и религиозной опоры*. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души»⁷⁹.

После подавления первой русской революции Столыпин мечтал о «20 годах покоя». Не вышло. В стране вновь назревал революционный кризис. И впереди шел рабочий класс, давший в 1913 и в 1914 годах намного больше политических стачечников, чем в 1905-м, и больше, чем в какой-либо другой стране мира. Тут уж приоритет России был неоспорим.

---

⁷⁸ См. статью А.П.Корелина: П. А. Столыпин и российское общество... в сб.: Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М. 2000. С. 37–44.

⁷⁹ «Нива». 1913. № 33. С. 659. (подчеркнуто мной. – В.Л.).

Летом 1913 года Ленин написал, что весь ход правительственных реформ доказал, что в России нет мирного выхода из тупика, «нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют». Страна переживает «состояние плохо прикрытой *гражданской войны*. Правительство не управляет, а воюет»⁸⁰. О том же в «Новом времени» – под характерным названием «Невоспитанный народ» – пишет в 1913 году и совсем «правый» М. Меньшиков: «Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом...»⁸¹.

А весьма умеренный земский либерал Д. Н. Шипов заключает: «Пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит, или скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти». И Шипов полагал, что лишь новый *общественный взрыв* сможет обновить деморализованное общество⁸².

Но может быть, всего этого не знали в «верхах»? Знали. В апреле 1914 года депутат Думы граф Мусин-Пушкин делился своими наблюдениями с наместником на Кавказе, графом Воронцовым-Дашковым: «Революции никто не хочет и все ее боятся... Но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком»⁸³.

Весьма информированный и опытный интриган князь М. Андроников докладывал великому князю Николаю Николаевичу: «Конечно, путем репрессий и всякого рода экзекуционных и административных мер удалось загнать в подполье на время глубокое народное недовольство, озлобление, повальную ненависть к правящим, – но разве этим изменяется или улучшается существующее положение вещей?... В деревне наступает период “самосуда”, когда люди, окончательно изверившись в авторитете власти, в защиту закона, сами приступают к “самозащите”... А убийства не перечесать! Они стали у нас обыденным явлением при длящемся “успокоительном” режиме...»⁸⁴.

Наконец, в начале 1914 года, за полгода до начала войны, сам Государь получает от члена Госсовета, бывшего министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново меморандум, который предупреждает Николая II о близящейся революции и о том, что «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»⁸⁵.

Уже упоминавшийся идеолог российского национализма Меньшиков, рассуждая о беззаконии, беспорядке и национальном бесславии, в феврале 1914 года написал: «*Так, как теперь мы живем, долго жить нельзя – это надо же наконец понять и оценить*». А один из лидеров думских националистов С. И. Савенко в частном письме заметил: «Большую драму я переживаю в душе, но говорю это только тебе одной: отныне я революции не боюсь – она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России»⁸⁶.

Но может быть, волна патриотизма, прокатившаяся по стране с началом войны, изменила ситуацию? На первых порах – да, особенно в деревне. Но массовые мобилизации, резкое ухудшение социально-экономического положения в тылу и отвратительное снабжение фронта оружием, боеприпасами, продовольствием, наконец, перенос боевых действий на российскую территорию – все это вновь привело к стремительному росту антиправительственных, антицаристских настроений.

Война действительно стала для России фактором разрушительным. Начатое на 15-й день после ее начала наступление в Восточной Пруссии спасло от немцев Париж, но обернулось

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 396; Т. 25. С. 65.

⁸¹ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 106.

⁸² Куда идет Россия? Власть, общество, личность. С. 43, 44.

⁸³ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 110.

⁸⁴ Государственная деятельность П. А. Столыпина. Сб. статей. М., 1994. С. 141.

⁸⁵ Журнал «Красная новь». 1922. № 6. С. 178–179.

⁸⁶ Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. С. 24, 151.

поражением для русской армии. 1915 год ознаменовался «Великим отступлением» и полной или частичной оккупацией более десятка российских губерний. Остановить немцев удалось лишь у Риги и в 100 км от Минска.

После успешного взятия Эрзерума на юге мартовское наступление русских войск в районе Двинска и озера Нарочь помогло французам выстоять под Верденом, но и оно завершилось тяжелейшим поражением. Лишь знаменитый «Брусиловский» прорыв в мае 16-го года хоть как-то стабилизировал Восточный фронт.

С самого начала войны «союзники» смотрели на русских солдат как на «пушечное мясо». Посол Франции в России Морис Палеолог не скрывал этого: «При подсчете потерь союзников, – втолковывал он председателю Совета министров Борису Штюрмеру, – центр тяжести не в числе, а в совсем другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран в мире. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию... Это – цвет человечества. С этой точки зрения наши потери гораздо чувствительнее русских потерь».

Всего в военных действиях русская армия потеряла около 4 млн. солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, более 2 млн. числились пропавшими без вести⁸⁷. Этого было вполне достаточно, чтобы злоба, ненависть к тем, кто повинен в кровавой бойне, захлестнули страну.

Начальник Московской охраны сообщал: «Подобного раздражения и озлобления массы мы еще не знали... Настроение 1905–1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным». А добросовестный чиновник Министерства внутренних дел написал на сем: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены»⁸⁸. И этот чиновник был прав.

Выше уже упоминалось, что в 1913 году «Нива» писала о полуторастамиллионном народе, который «усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя...». Война дала в руки этому народу оружие, создала новую, хорошо организованную социально-политическую силу – многомиллионную армию. И эта армия вполне адекватно отражала настроения народа.

По своему составу солдаты были теми же рабочими и крестьянами. Причем крестьяне – с их психологией и навыками – многократно преобладали. Это проявлялось во всем: в постоянных разговорах о земле, о прежних обидах со стороны помещиков и чиновников, о полевых работах, которые легли теперь на баб и стариков. Как отмечали офицеры, даже в рукопашном бою солдаты кололи штыком не как положено – прямо перед собой, а будто вилами снопы кидали – снизу вверх. От деревенской психики шли и те резкие перепады в настроениях, когда одна и та же рота или батальон, вчера еще проявлявшие вполне осознанную слаженность действий и самые «высокие» чувства, на другой день взрывались анархическим пьяным погромом каких-либо винных складов или винокуренных заводиков.

Но говоря о том, что армия – это те же рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, нередко забывают, что у данной общности существовали и свои особые интересы. Их порожидала война, общность жизни и судьбы людей, принудительно соединенных в казармах или окопах, постоянное соседство смерти, а стало быть и желание выжить в этой кровавой мясорубке. Вот почему постепенное осознание того, что это «чужая война», стало главной причиной, с одной стороны, утраты боеспособности и разложения армии, а с другой – превращение ее в ударную (Л. Н. Гумилев сказал бы – пассионарную) силу революции.

⁸⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 561; Независимая газета. Приложение: Независимое военное обозрение. № 43. С. 5.

⁸⁸ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 82, 83.

О характере войны солдатская масса узнавала не от революционных агитаторов. Современный исследователь Александр Асташов⁸⁹ полагает, что особую роль в этом процессе сыграли месячные отпуска с фронта «для устройства домашних дел» и «для участия в полевых работах», установленные для отличившихся солдат или по семейным обстоятельствам Высочайшим повелением от 5 октября 1915-го и 19 августа 1916 года. Неприглядные картины тыла – с роскошью и мотовством одних и беспросветной нуждой других, особенно солдатских семей, – рождали у отпускников лишь злобу и ненависть, стремление покончить с войной и покарать ее зачинщиков.

Военные цензоры, тщательно просматривавшие сотни тысяч солдатских писем, в конце 1916 года констатировали: «Два с половиной года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех»⁹⁰. И это была не обычная злоба людей, раздраженных нуждой и лишениями. Она была гораздо страшнее. Ибо люди эти были вооружены, а война обесценила саму человеческую жизнь.

«Я [прежде] такой глупый был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал, – писал один из солдат. – А теперь ни бога, ни черта не боюсь. Как всадил с рукой штык в брюхо, словно сняло с меня что-то...». Письмо другого солдата: «Я не только человека, курицу не мог зарезать. А теперь... Почему я знаю, может, сотню или больше душ загубил»⁹¹.

Эта психология рождала и убеждение в том, что только с помощью насилия можно решить те проблемы, которые ставила жизнь. «Женка пишет, купец наш до того обижает, просто жить невозможно, – это строки еще одного солдатского письма. – Я так решил: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то и делай. А теперь повиучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не дали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно»⁹².

Эта злоба и ненависть приобретала все более конкретный социальный адрес. «Я, крестьянин, – говорилось в письме солдата 42-й Сибирской стрелковой дивизии, – обращаюсь к вам, братья, докуда будем губить себя... За какие-то интересы чужие кладем свои головы... Помните, братцы, чтобы убить зверей, которые миллионы губят людей за свой интерес, *надо действовать, пока оружие в руках*. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина...»⁹³.

Страшно? Конечно, страшно. Назревал переход «количества в качество». Надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы позвать в конце концов такие взрывы народной ненависти. А ведь предупреждали... Помните, у Лермонтова: «Каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицею, и тогда горе побежденным...»⁹⁴. Этот приговор миру насилия и угнетения был написан чуть ли не за столетие до 1917 года.

В 1916 году тема «пугачевщины», «русского бунта – бессмысленного и беспощадного» вновь, как в 1902, 1905, 1906 годах, становится одной из главных тем российской публицистики и частных разговоров. Многие политические деятели России пытались воздействовать на государя, чтобы он «предотвратил»... «предпринял»... «сделал»... Побуждали к этому и председателя Государственной думы Михаила Родзянко. Главноуполномоченный Всерос-

⁸⁹ См.: Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–84.

⁹⁰ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 82.

⁹¹ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. С. 83.

⁹² Там же. С. 84.

⁹³ Там же. С. 82.

⁹⁴ Цит. по: Соловьев Б. Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 709.

сийского Союза городов Челноков писал ему: «Тревога и негодование все более охватывают Россию... Зловещие настроения сменили недавний высокий подъем, с каждым новым днем исчезает вера, рассеиваются надежды». О том же написал Родзянко и главноуполномоченный Всероссийского Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов⁹⁵.

Пытались воздействовать и на военных. 15 августа 1916 года Александр Иванович Гучков, возглавлявший Центральный Военно-промышленный комитет, испытывая «смертельную тревогу за судьбы нашей Родины», обратился с посланием к главкому Северо-Западного фронта генералу Алексееву: «Надвигается потоп, а наша дрянная слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя, надевая калоши и раскрывая зонтик»⁹⁶.

10 (23) февраля 1917 года Родзянко получил аудиенцию у государя. Свой доклад «об угрожающей Российскому государству опасности» он, по причине сильного волнения, читал. Закончил словами: «Я считаю своим долгом, государь, высказать Вам свое личное предчувствие и убеждение... Направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит». Государь ничего не ответил и очень сухо простился. А через два дня Родзянко написал своей подруге Зинаиде Юсуповой: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что... русский царь еще более преступен»⁹⁷.

А саратовский губернатор С. Тверской в эти дни напишет: «Что делается? Точно после 1905 года не прошло 11 лет. Те же персонажи, те же слова, с одной стороны, и тот же паралич власти – с другой. Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т. д. Ну, а дальше что? Дальше опять скажет слово мужичок или, вернее, сделает дело мужичок. Настроение прескверное»⁹⁸.

Спустя полгода, характеризуя положение в стране к началу 1917 года, последний царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов показывал Чрезвычайной следственной комиссии: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны – на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение... Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли; таксы развили продажу “из-под полы”, получилось “мародерство”... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом... Упорядочить дело было некому. Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было... Верховная власть перестала быть источником жизни и света»⁹⁹.

Но при чем тут Ленин? Все это происходило за тысячи верст от него. А те же солдатские письма – точнейший барометр настроений – были опубликованы лишь много лет спустя. Конечно, что-то просачивалось в либеральную российскую прессу, и Владимир Ильич чуть ли не ежедневно штудировал ее в цюрихских библиотеках. Но существовали ли у него какие-то свои каналы информации?

Да, существовали...

О событиях, происходивших в «верхах», он, к примеру, знал гораздо больше, чем сообщали либеральные газеты. Так, в ноябре 1916 года он получил из Питера копии тех самых

---

⁹⁵ Газета «Социал-Демократ», № 57, 1916, 30 декабря.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 244.

⁹⁸ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 83.

⁹⁹ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1926. С. 21, 22.

документов, которые упоминались выше: письма Челнокова и Львова Михаилу Родзянко и письмо Гучкова генералу Алексееву. Напечатать такое в российской прессе было невозможно. А вот большевистский «Социал-Демократ» 30 декабря 1916 года полностью опубликовал их. Комментируя письмо Александра Гучкова, редакция написала: «Это признание, что *революция идет*. Буржуа ясно видит это и видит свою беспомощность... А революция все же идет»¹⁰⁰.

В январе 1917 года Ленин рассматривает возможные политические комбинации в случае революционных перемен в России. Вероятно, пишет он, придется «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»¹⁰¹. Это предсказание также было опубликовано «Социал-Демократом» и, как известно, оказалось достаточно точным.

Были и другие, может быть, более важные источники информации...

Где-то в середине января 1917 года в Цюрихе объявились двое военнопленных, которые – переплыв Боденское озеро – бежали из немецкого концлагеря. Ленин буквально «вцепился» в них. «Типики, – пишет он Арманд, – один – еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ... Но лично неинтересен, ибо обычен. Другой – воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Черноземная сила»¹⁰².

Все это время ему так не хватало живого общения за рамками привычной эмигрантской среды. Не для того, чтобы спорить, убеждать, «влиять». Это стало делом безнадежным, ибо эмигранты- оппоненты уже не слышали и не хотели слышать доводов, не вписывавшихся в их сложившиеся представления. Владимиру Ильичу, как он выразился, не хватало просто нормальных собеседников – «“живых”, эмигрантщиной не изъеденных людей»¹⁰³.

И вот теперь перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за «самостийность». Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, «впадали в ярость при мысли об отделении от России... Факт знаменательный! Не верить нельзя... Авось, от “австрийского типа” развития судьба Россию избавит»¹⁰⁴.

Сидели в лагере и иностранцы. «Французов, – замечает Владимир Ильич, – хвалят (в плену) – товарищи хорошие... Англичан ненавидят: “гордецы; куска хлеба не даст, ежели ему пол не вымыть”». К немцам отношение весьма своеобразное. С одной стороны – «тоже своего кайзера ругают». С другой – есть чему у них поучиться. Из лагеря пленных посылали на работу в богатые крестьянские хозяйства. Воронежец Кондрат Михалев присматривался. «Как у них все налажено, – рассказывал он, – ни одна корка даром не пропадает! Вот вернусь к себе на село – так же хозяйничать буду!» «Все тяготение воронежца, – заключает Ленин, – назад, домой, к земле»¹⁰⁵.

К швейцарским рабочим Михалев относился иронически. Когда в Цюрихе его интернировали, стал ходить он на земляные работы «и все удивлялся на забитость швейцарского рабочего люда. “Иду я, – рассказывал он, – в контору получать деньги за работу, смотрю – стоят рабочие швейцарские и войти в контору не решаются, жмутся к стенке, в окно заглядывают.

¹⁰⁰ Газета «Социал-Демократ», № 57, 1916, 30 декабря.

¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 341.

¹⁰² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

¹⁰³ Там же. С. 377.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 378; Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 438.

Какой забитый народ! Я пришел, сразу дверь отворяю, в контору иду, за свой труд деньги брать иду!»¹⁰⁶.

И кто это говорил? Мужик, который еще вчера, как говорится, тележного скрипа боялся. «Был он из староверов, – пишет Крупская, – дедушка и бабушка поэтому запретили ему грамоте учиться: печать-де дьявола. В плену уж выучился он грамоте»¹⁰⁷. Там же выучился и «политике».

Ленин подробно расспрашивал об отношении к войне. Оба беглеца были решительно против нее. Но «насчет защиты отечества, – отмечает Владимир Ильич, – как... Плеханов... “Ежели немец прёт, как же не защищаться?” Не понимает. Обижен (и он *и еврей!!*) глубоко за то, как нещадно бьют немцы “наших”»¹⁰⁸.

В остальном политическая ориентация вполне определена: «Сочувствует социализму», – отмечает Владимир Ильич. «... Насчет царя и бога, – записывает он слова Михалева, – все-де 27 тысяч вполне покончили, насчет крупных помещиков тоже». Вывод Ленина: «Озлобленные и просвещенные вернутся в Россию»¹⁰⁹.

Впрочем, было и о чем задуматься... До сих пор Ленину приходилось иметь дело в основном с «идейными» и «учеными» оборонцами, использовавшими – и вольно и невольно – фразы о «защите отечества» для оправдания империалистической бойни. Здесь же разговор шел с людьми, ненавидящими войну, испытавшими ее ужасы на собственной шкуре. И очень скоро Владимир Ильич вводит в политический оборот крайне важное понятие – «*добросовестное оборончество*», которое он применяет при оценке настроений широких масс и особенно крестьян.

Всех тем, о которых было переговорено с Кондратом Михалевым, Владимир Ильич не перечислял. Но вполне естественно предположить, что присутствовала среди них еще одна – *братание*. О братании на Западном фронте газеты писали много. Первое состоялось в рождественскую ночь под Парижем, когда, сойдясь на нейтральной полосе, французские, английские и немецкие солдаты вместе распили шампанское, виски и шнапс по случаю наступавшего 1915 года. О братании на Балканах Ленин подробно расспрашивал болгарского социалиста Василя Коларова. А вот о том, как это происходило на Восточном фронте было известно мало. Владимир Ильич старался выудить информацию из либеральной прессы. Пытался распространить анкеты среди русских военнопленных в немецких лагерях. И вот теперь перед ним был очевидец...

На Восточном фронте братания возникали стихийно. Отправляясь на войну, русский солдат знал, что воевать ему придется или с «басурманом» или с каким-нибудь «иноверцем». Но на юго-западных участках фронта, после боев, когда для выноса раненых и уборки трупов устанавливалось затишье, он слышал с той стороны славянскую речь сербов, чехов, словаков, многие из которых, как выяснилось, были к тому же православными, «братушками». Это и положило начало «братанию»: встречам и беседам на нейтральной полосе, а иной раз и в окопах противника, – а также солдатскому «бартеру». Тем более что братья-славяне с удовольствием выменивали добротный русский хлеб на спиртное, которого россияне были лишены по «сухому закону» 1914 года¹¹⁰.

То, что немецкая разведка пыталась использовать братание в своих целях – факт. Но очевидно и другое: братание хоть на время прекращало братоубийство, устанавливало – пусть

¹⁰⁶ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 438.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ См. статью Асташова А. Б.: Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны. Журнал «Отечественная история». 2003. № 2.

на малый срок – перемирие. И происходило это не по приказу генералов и офицеров, а по воле самих солдат.

Так или иначе, но Михалев стал для Ленина не просто источником информации, но и интереснейшим собеседником. И Владимир Ильич был благодарен ему за это.

Не прошли бесследно эти беседы и для Михалева... Он мечтал поступить в народный университет. Но поскольку в Цюрихе такового не оказалось, уехал в Париж. И когда его и других бежавших из плена вызвали в русское посольство, и важные чиновники, увешанные орденами, стали уговаривать подписать воззвание о защите Отечества и продолжении войны, Кондрат решительно отказался: «Встал я и сказал, что войну кончать надо, и пошел. Потихоньку вышли и другие»¹¹¹.

Там, где либералы в терявшем терпение и вековую покорность русском мужике усматривали лишь «пугачевщину», угрозу кровавого хаоса, Владимир Ильич увидел совсем другое: готовность к борьбе, пробуждение самосознания, ума, чести и человеческого достоинства. После встреч с Кондратом Михалевым он получил тому еще одно доказательство. И спор об этом Ленин вынес на страницы печати.

Собственно, предмет спора определился еще в конце предыдущего столетия, когда первые выступления рабочих – не говоря уже о крестьянских бунтах – нередко сопровождались различного рода эксцессами. Как быть? Как относиться к этому?

С первых шагов своей политической деятельности Владимир Ильич размышлял над этой проблемой. Нечеловеческие условия жизни, писал он, низвели положение российского труженика до положения скотины. Именно поэтому его протест «не может не принять буйных форм» и неизбежно выливается либо в «тупое отчаяние», либо в яростные взрывы «дикой мести». И можно, видимо, понять известного либерала Михаила Гершензона, который позднее написал в «Вехах»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹¹².

В письме Инессе Арманд Ленин отметил: «Русская революция 1905 г... состояла из ряда битв *всех* недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д.»¹¹³. Так что же – стать на сторону жандармов, усмиряющих стачки и бунты? Или возможна иная позиция? Да, возможна, считал Ленин.

Мы никогда «не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стирали разницы между “русским бунтом, бессмысленным и беспощадным”, и революционной борьбой...» Но если бунты начались, революционеры не могут «*пройти мимо*» этих протестных выступлений. Свой долг они видят в том, чтобы не отворачиваться брезгливо от «эксцессов», а просвещать и организовывать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы», учить на опыте собственных побед и поражений. Только тогда, подчеркивал Владимир Ильич, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»¹¹⁴.

Когда в 1896 году Ленин полемизировал по данному вопросу с Михайловским, Юлий Мартов был вполне солидарен с Владимиром Ильичем¹¹⁵. Но с тех пор прошло двадцать лет. В 1916 году в ряде районов России на почве голода и дороговизны произошли стихийные мас-

¹¹¹ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 439.

¹¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 241, 301, 309–310, 397, 403, 409, 528; «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 5-е. М., 1910. С. 89.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.

¹¹⁴ Там же. Т. 4. С. 416.

¹¹⁵ Логинов В.Т. Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2004. С. 261.

совые волнения, сопровождавшиеся разгромом продовольственных лавок и избиванием лавочников. Как должен отнестись к подобным выступлениям революционер? Мартов попытался дать свой ответ на этот вопрос.

«Плоха та революционная партия, – писал он, – которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами». С другой стороны, «плоха была бы та партия, которая бы считала своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами»... В целом же «вспыхивающие на почве дороговизны народные волнения... не могут непосредственно стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу». А посему «кокотничанье» с таким движением, «легкомысленные спекуляции» на нем – «прямо преступны». Остается лишь призывать эти массы «к организованной борьбе», а именно – «к организации кооперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам».

Иной ответ дал Ленин. Революционный социал-демократ, полагал он, в условиях голода и кровавой войны, ежедневно уносящей тысячи жизней, должен был обратиться к массе не с призывом к «организации кооперативов». Он должен был сказать: да, «громить лавочку нецелесообразно», ибо в голоде и войне, которые довели людей до иступления, виноват не этот мелкий лавочник, а виновато правительство. Так давайте «направим свою ненависть на правительство», а для этого организуемся, сговоримся с рабочими других городов, «устроимте посерьезнее демонстрацию», обратимся к солдатам и «привлечем к себе часть войска, желающую мира».

Вот так должен был, по Ленину, действовать настоящий революционер. И через два месяца после публикации этой статьи именно так действовали в Питере рабочие-большевики, меньшевики, эсеры, когда в столице на почве нехватки хлеба и недовольства войной вспыхнули массовые волнения. Борьба закончилась победой Февральской революции...

Впоследствии многие историки утверждали, что Февральская революция родилась из озлобления стоявших в очередях женщин и солдатских «беспорядков». Словом, из «бабьего бунта», слившегося с бунтом солдатским. Этим хотели обосновать мысль об «аполитичности» революции. Советские историки протестовали, стремясь, напротив, подчеркнуть политическую сознательность масс уже на начальном этапе революции. Пожалуй, в обоих случаях допускались «перегибы», хотя невозможно отрицать, что экономические трудности лежали в основе недовольства, породившего социальную напряженность. Как записал Ленин еще в феврале 1917 года, «нужда не признает никаких законов»¹¹⁶. Но важно понять и другое: стихия стихии – рознь. После того, как миллионы людей прошли школу первой русской революции, стихия стала понятием достаточно относительным.

Когда читаешь воспоминания об этих днях сторонних наблюдателей, складывается впечатление о некоем гигантском муравейнике, не только безликом, но и безымянном. То и дело встречаешь фразы: «Из толпы кричали: “Где вожаки? Ведите нас!”», а потом бросились к “Крестам” освободить политических»; «На Выборгской толпа разгромила полицейский участок и захватила оружие»; «На Знаменской площади какие-то личности, взобравшись на памятник покойного государя, бросали в многотысячную толпу зажигательные призывы»; «Когда казаки, обнажив шашки, хотели броситься на демонстрантов, из толпы вышла женщина и произнесла речь, после чего казаки повернули вспять...»

Сегодня, когда благодаря исследованиям историков можно просматривать ленту февральских событий кадр за кадром, мы видим в этой, казалось бы, безликой толпе – знакомые лица. На штурм «Крестов» солдат и рабочих двинул большевик М. И. Калинин. Захватом участка на Выборгской стороне руководил И. Д. Чугурин – ученик Ленинской школы в Лонжюмо, член ПК. На Знаменской площади с памятника Александру III выступали с речами меж-

¹¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 397.

районец К. К. Юренев и меньшевик В. Гриневиц. Женщина, бесстрашно вышедшая навстречу казакам, – это работница-большевичка А. И. Круглова... В нужный момент каждый из тех, кто имел за плечами опыт пятого года, не дожидаясь «директив сверху», знал свое дело и был на своем месте.

Но это произошло спустя два месяца, а в декабре 16-го года Ленин писал: предположим, что революционер столкнулся «с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против *нецелесообразной* формы... во имя чего? во имя целесообразных *революционных* выступлений...»¹¹⁷

Незадолго до нового года, 18 декабря, Ленин пишет Арманд: «Получилось сегодня еще одно письмо из СПб. – в последнее время оттуда заботливо пишут... Настроение, пишут, архиреволюционное». Через два месяца, 19 февраля 1917 года он сообщает ей же: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник». А когда, в тот же день, большевик Слава Каспаров сообщает из Берна, что у него появилась возможность возвращения в Россию, Крупская, по поручению Владимира Ильича, сразу отвечает: «Ехать надо немедленно, а то опоздаете к “началу”»¹¹⁸. В черновых записях начала 1917 года Ленин еще более категоричен: «Der Sturm naht», – пишет он, – штурм приближается!¹¹⁹

День 15 (2) марта 1917 года складывался как обычно. С утра моросил дождь. В девять Владимир Ильич был уже в библиотеке. В 12 часов 10 минут вернулся домой, пообедал. Надежда Константиновна помыла посуду, и Ленин вновь собрался в библиотеку. Но в этот момент прибежал их знакомый – польский эмигрант Вронский: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» – и стал рассказывать о только что вышедших экстренных выпусках газет¹²⁰.

В одном из ранних вариантов воспоминаний Крупская написала: «Ильич как-то растерялся. Когда Вронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России»¹²¹.

Но если знал, ждал, то почему же «растерялся»?

Да потому, что можно знать причины, улавливать тысячи признаков приближения революции, но никому не дано предсказать ее повод, а уж тем более – дату начала. Революции не возникают по чьей-либо воле или в результате планов, выношенных революционерами. Это – результат, как любил говорить Ленин, «объективного хода вещей». Они приходят тогда, когда *власть имущие* не решают назревших проблем народной жизни *мирным путем*. А неприятие существующих порядков *самим народом* в конце концов переполняет чашу терпения. Как, где, когда она переполнится, какое событие станет последней каплей – этого не может предугадать никто...

Об этом Ленин написал в «Социал-Демократе», вышедшем 31 января 1917 года: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс». И все-таки – «таких революций не бывает..., чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы». Через полтора года Ленин повторит: «За два месяца перед... февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию»¹²².

¹¹⁷ Там же. С. 232.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 340, 390; Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 169.

¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 398.

¹²⁰ Воспоминания о В. И. Ленине. Т.1. С. 438.

¹²¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С.118.

¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 347, 348; Т. 36. С. 496.

Среди сообщений заграничной прессы о восстании в Петрограде, которые Ленин прочел у озера, одно запомнилось: на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших на площади перед Государственной думой, красовался лозунг – «Да здравствуют социалистические республики во всех странах!»¹²³

---

¹²³ Там же. Т. 31. С. 70.

«План Мартова»

Утром 23 (10) января 1905 года, в Женеве. Владимир Ильич и Надежда Константиновна точно так же, как обычно, шли в библиотеку. И вдруг увидели бежавших к ним Луначарских. Анна Александровна – жена Анатолия Васильевича – от волнения не могла говорить и лишь беспомощно махала муфтой. Наконец, отдышавшись, они рассказали, что по сообщениям утренних газет в России вчера началась революция...

Владимир Ильич и тогда – задолго до этого дня – писал о приближении революционного взрыва. «Но одно дело, – замечает Крупская, – чувствовать это приближение, а другое – узнать, что революция уже началась»¹²⁴.

Тогда, в 1905 году, в ожидании разрешения на въезд в Россию, пришлось сидеть в Женеве почти год. Лишь 8 ноября он приехал в Петербург. К этому времени все уже сложилось и определилось. И хотя его письма и статьи сыграли свою роль в развитии событий, что-то изменить было уже нельзя. Когда ему, в частности, стало известно о подготовке декабрьского восстания в Москве, он написал: «Я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают»¹²⁵.

И вот опять: в России победила революция, а он сидит в этом «проклятом далеке», за тысячи верст от событий, которых ждал всю жизнь... Медлить было нельзя – в этом Ленин был абсолютно уверен. И уже там – у озера, у витрин с газетами, сообщавшими о событиях в Петрограде, он сказал Сергею Багоцкому: «Надо готовиться к отъезду в Россию».

15 (2) марта Владимир Ильич пишет Инессе Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации... Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно. Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!!»¹²⁶. Ибо именно через нее лежал путь в Россию.

Приехал из Берна Григорий Зиновьев. Несколько часов, пишет он, бродили по улицам «бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда “Новой цюрихской газеты”, строя догадки на основании отрывочных сведений. Но не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки. Надо ехать!»¹²⁷

Легальная дорога была одна: через Францию в Англию, затем из Англии на пароходе в Норвегию или Голландию, а оттуда – через Швецию – в Питер. Значит, надо было получить французскую, английскую, норвежскую или шведскую визы и разрешение на пересечение русской границы. И уже тогда, в первые дни, появились признаки того, что эта дорога открыта не для всех и что, как выразился Зиновьев, «мы сидим за семью замками» и в Россию «прорваться будет нелегко»¹²⁸.

Появились слухи, что в российских посольствах имеются на сей счет какие-то «черные списки». Слухи оказались вполне достоверными. Еще в 1915–1916 годах военные представители Англии, Франции и России составили «международные контрольные списки» на лиц, коим запрещался въезд во все страны Антанты. Среди других «нежелательных категорий», в них были внесены и те эмигранты, которые «подозреваются в пропаганде мира». Всего в «черных списках» значилось около 6 тысяч человек¹²⁹.

---

¹²⁴ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 277, 278.

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

¹²⁷ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 121.

¹²⁸ Там же. С. 122.

¹²⁹ См. статью Лукашева А. В.: Возвращение В. И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. Журнал «История СССР». 1963. № 5. С. 5.

17 (4) марта 1917 года Ленин получает телеграмму из Христиании (Осло) от Коллонтай, Пятакова, Бош и Ганецкого: «Вашу поездку в Россию считаем необходимой...» И Владимир Ильич отвечает: «Сейчас получили Вашу телеграмму, сформулированную так, что почти звучит иронией... Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»¹³⁰.

Вечером того же дня в заграничных газетах появляется сообщение о том, что Временное правительство России объявило амнистию «по делам политическим и религиозным». Это внушало какие-то надежды. И уже на следующий день Ленин поручает Арманд «узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать» на родину через Англию. Тогда же, 18 марта, он просит жену большевика Георгия Сафарова – 26-летнюю Валентину Мартошкину – зайти в английское консульство и прямо там прозондировать ситуацию. Ответ английского посланника был прост и прямолинеен: «Через Англию вообще нельзя». И 19-го Владимир Ильич сообщает Арманд: «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем... Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма “особых” мер»¹³¹.

О том, какие это меры, он пишет в Женеву Вячеславу Карпинскому: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию*) в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство *я* явлюсь с Вашими бумагами уже в парике»¹³². Ответ Карпинского разочаровал: оказывается, он уже давно значился во всех проскрипционных списках, ибо когда-то проходил по делу «знаменитого террориста» Камо (С. А. Тер-Петросяна).

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, – рассказывала Крупская, – и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана»¹³³. Да и сам он понимал это. «Конечно, – пишет Владимир Ильич Арманд, – нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь...»¹³⁴

Это было написано утром 19 (6) марта. Но днем произошло событие, которое породило новые надежды...

Сразу после получения известий о революции все российские политические эмигранты, независимо от партийной принадлежности, стали собираться для обмена информацией. Главным предметом дискуссии был тот же вопрос: о путях возвращения на родину. Невозможность проезда через Англию становилась все более очевидной. И на частном совещании представителей различных партийных групп, состоявшемся в Берне 19-го, Юлий Мартов выдвинул план проезда эмигрантов и других российских граждан, застрявших в связи с войной в Швейцарии, через Германию в обмен на интернированных в России немцев.

Ничего необычного в этом предложении не было. В годы войны царское правительство не раз практиковало такой обмен. Кстати, именно так – через Германию и Швецию – вернулся в Россию известный ученый Максим Ковалевский. В Петрограде ему устроили торжественную встречу и сам Милюков, приветствовавший его на вокзале (ставший в марте 1917-го министром иностранных дел Временного правительства), не находил в этом маршруте ничего предосудительного. Вот и участники совещания в Берне 19 марта – лидер меньшевиков Мартов, лидер эсеров Натансон, Бунда – Косовский и представитель большевиков Зиновьев –

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 401, 402; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 134.

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403, 404–405, 409.

¹³² Там же. С. 404.

¹³³ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. С. 434.

¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405.

сочли «план Мартова» о проезде через Германию – «наиболее благоприятным и приемлемым»¹³⁵.

Получив от Зиновьева это известие, Владимир Ильич делает приписку к письму Инессе Арманд от 19 марта с просьбой поискать среди лояльных «богатых и небогатых русских социал-патриотов» тех, кто мог бы «попросить у немцев пропуска – вагон до Копенгагена для разных революционеров... Я не могу этого сделать. Я “пораженец”... Вы скажете, может быть, немцы *не* дадут вагона. Давайте пари держать, что *дадут!*»¹³⁶

Карпинскому Ленин пишет подробнее: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. *Нас* заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты – русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п....) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне... План, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»¹³⁷.

План Мартова был тем более хорош, что именно в эти дни, как сообщил в Петроград российский поверенный в делах в Швейцарии Ону, по требованию военного министерства Великобритании, английскими консулами была полностью «прекращена виза паспортов на проезд в Россию и скандинавские страны». Граф П. А. Игнатъев доложил из Парижа в Питер данные русской контрразведки: «Установлено, что Ленин и его группа безусловно просили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано». В свою очередь французская разведка информировала, что Ленин и другие большевики «запросили в вице-консульстве Англии в Лозанне разрешение на право проезда через Англию, но так как им было отказано в их просьбе, они обратились в германское консульство»¹³⁸.

Впрочем, это произошло позднее, а пока надо было начинать официальные хлопоты. В предшествующих случаях проезда русских эмигрантов через Германию в роли посредника выступало правительство Швейцарии. И участники совещания в Берне 19 марта обратились к одному из лидеров швейцарских социал-демократов, государственному советнику Роберту Гримму с просьбой прозондировать этот вопрос¹³⁹. Одновременно, 20 марта, по поручению Ленина, Зиновьев телеграфирует Пятакову, отъезжавшему из Норвегии, чтобы по прибытии в Петроград большевики добивались от Временного правительства привлечения Швейцарии к переговорам с Берлином о пропуске российских эмигрантов через Германию¹⁴⁰.

Между тем, выполняя поручение, Роберт Гримм встретился с лидером либеральной партии, адвокатом, министром Артуром Гофманом, руководившим внешней политикой. Но тот ответил, что «швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета»¹⁴¹. Это не исключает того, добавил министр, что – в качестве *частного лица* – сам Гримм вполне может выступить в этой роли.

А «план Мартова» приобретал с каждым днем все больше сторонников. 23 (10) марта представители различных партийных групп сформировали единую организацию из числа меньшевиков, большевиков, польских, латышских, литовских, еврейских социалистов и социал-демократов, эсеров, анархистов и т. д. Вошли в нее и те, кого называли социал-патриотами. Избрали «Центральный Комитет по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, на родину». Председателем ЦК стал меньшевик Семковский,

¹³⁵ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 40, 92.

¹³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405, 406.

¹³⁷ Там же. С. 406.

¹³⁸ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7–9).

¹³⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92, 95.

¹⁴⁰ Ленинский сборник. XIII. С. 254.

¹⁴¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92.

секретарем – польский социал-демократ Багоцкий¹⁴². Этот ЦК и дал полномочия Гримму на ведение переговоров с германскими дипломатами. В тот же день 23 (10) марта Гримм встретился с немецким посланником бароном Гизбертом фон Ромбергом и из Берна в МИД Германии ушла телеграмма: «Выдающиеся здешние революционеры имеют желание возвратиться в Россию через Германию...»¹⁴³

В театральной режиссуре существует понятие – «симультанное действие». Сценическая площадка или круг разбиваются на несколько секторов, где одновременно происходят те или иные эпизоды пьесы. Персонажи, находящиеся в разных секторах, как бы не подозревают о том, что делается рядом. Но именно одновременность происходящего в разных частях сцены создает единое драматическое действие...

В истории нечто подобное происходит очень часто. И лишь последующие исследования позволяют выявить не только одновременность, но и взаимосвязь различных событий.

Ну чего ради уперлись англичане и французы с этими визами и пропусками? Почему, вопреки обыкновению, швейцарское правительство отказалось от посредничества? А в чем причина той медлительности, которую проявило российское правительство в ответ на просьбы о возвращении эмигрантов? И почему немцы столь оперативно пошли навстречу?

Для ответа на эти вроде бы частные вопросы необходимо, видимо, обратиться к проблемам более общим и более масштабным.

Мировая война длилась уже более двух лет. Жертвы ее исчислялись уже многими миллионами. И каждая из противостоящих сторон нуждалась в скорой и решительной победе. 6 апреля (24 марта) 1917 года в войну – на стороне Антанты – должны были вступить США. На 9 апреля (27 марта) планировалось начало наступления союзных войск во Франции, в Аррасе, в районе реки Эн. Но оно сулило успех лишь в том случае, если не менее 70 немецких дивизий будут скованы на Восточном фронте.

Временное правительство еще 18 (5) марта известило через свои зарубежные представительства, что Россия выполнит свой союзнический долг. Но разведка и послы стран Антанты сообщали, что положение самого российского правительства достаточно шатко. Что «двоевластие», сложившееся в стране, связывает ему руки, ибо реальная сила находится у Советов. И что правительство удерживает власть лишь потому, что во главе Советов стоят те социалисты, которых называют «соглашателями».

В таких условиях возвращение в Россию из эмиграции более левых и более авторитетных лидеров, выступающих против войны, могло поколебать неустойчивое равновесие «двоевластия» и сорвать военные планы союзников. Вот почему Англия и Франция заняли столь жесткую позицию по вопросу о возврате эмигрантов и вынуждены были прибегнуть к их «селекции».

Именно поэтому, когда патриарх российской социал-демократии «оборонец» Плеханов решил вернуться в Россию, ему и сорока его сторонникам англичане предоставили военный корабль, который – в сопровождении миноносцев (для защиты от немецких субмарин) – и довез их до Норвегии.

А вот когда из Парижа в Англию, оформив все необходимые документы для отъезда на родину, прибыл лидер эсеров Виктор Чернов, значившийся в «черных списках», его немедленно интернировали и выдворили обратно во Францию. Та же участь постигла и одного из меньшевистских лидеров Льва Троцкого. С группой своих сторонников он попытался выехать из США в Россию на норвежском пароходе. Но в Галифаксе, по приказу английского адмиралтейства, их сняли с корабля, арестовали и интернировали в Канаде¹⁴⁴.

¹⁴² Там же. С. 35, 36, 92, 95; Лукашев А. В. Статья в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 11).

¹⁴³ Солженицын А. И. Ленин в Цюрихе. ИМКА-Пресс, 1975. С. 201.

¹⁴⁴ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7).

А потом пришло сообщение, что известные революционеры- эмигранты П. Карпович и Я. Янсон, добившиеся разрешения на выезд из Англии в Россию, погибли в результате подрыва их парохода немецкой подлодкой в Северном море. И Вера Фигнер, возглавлявшая в Петрограде Комитет помощи политическим ссыльным, подвела итог: «Теперь нашим изгнанникам есть только два пути возвращения в Россию – через Германию или через смерть»¹⁴⁵.

Германия стала другой сценической площадкой, где одновременно развивались события, повлиявшие на судьбу швейцарских эмигрантов. Двухлетняя война на два фронта истощила ресурсы страны. Немецкое верховное командование принимало отчаянные меры, чтобы разобщить союзников. Оно тратило сотни миллионов марок на содержание шпионской сети, подрывную работу и прогерманскую пропаганду в Англии, Франции, Италии, Румынии и других странах. Но особое внимание уделялось России. Для противостояния на Западном фронте необходима была прежде всего нейтрализация Восточного. И Германия была готова поддерживать любые организации, группы, которые могли бы дестабилизировать обстановку в России.

Шел поиск контактов в придворных и правительственных кругах, среди влиятельных промышленников и банкиров, издателей газет и журналистов, финских, украинских, кавказских сепаратистов. Через германских и австрийских социал-демократов предложения о денежных субсидиях делались эсерам (Чернову, Камкову), меньшевикам (Чхенкели), большевикам (Коллонтай, Шляпникову). Однако, как сообщала хорошо осведомленная заграничная агентура Департамента полиции, все предложения и эсеры и социал- демократы решительно отвергли¹⁴⁶.

А 12 января 1915 года к Ленину на бернскую квартиру явился меньшевик В. Д. Мгеладзе с письмом из Константинополя от одного из лидеров «Союза освобождения Украины» М. И. Меленевского (Басок). Этот «Союз» уже вступил в контакт с Германским генеральным штабом, и Меленевский предлагал большевикам сотрудничество в общей борьбе с царизмом.

В беседе с Лениным Мгеладзе (Триа) проговорился «про связь этого Союза с немецким правительством... Я, – пишет Ленин, – был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа написал ответ Баску... Я заявлял, что так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего»¹⁴⁷. С этим письмом Ленин и выставил Мгеладзе за дверь.

Спрос, особенно неудовлетворенный, всегда рождает предложения. И вот, в марте 1915 года в Берлин из Константинополя прибыл известный авантюрист, бывший российский, а затем германский социал-демократ доктор А. Л. Гельфанд, более известный под псевдонимом Парвус. Он и предложил германскому правительству свои услуги «по организации революции в России».

Любопытно, что аналогичное предложение в 1916 году было сделано и царскому правительству России. Некто капитан Брагин представил «Проект организации революционного движения в Германии». Предполагалось с помощью немецких социал-демократов развернуть в германской армии антивоенную пропаганду, а также через широкую сеть агентов вызвать беспорядки на фронте и в тылу. Военный министр одобрил проект, но его советники сочли сумму в 40 млн. золотых рублей, запрошенную Брагиным, непомерной и его идея так и не была реализована¹⁴⁸.

Однако для немецких чиновников, убежденных в том, что все происходящее на свете возможно лишь как результат указаний начальства и щедрого финансирования, «меморандум доктора Гельфанда» не показался вздором. И ему – под расписку – был выдан один миллион

¹⁴⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 74.

¹⁴⁶ См. там же. С. 13, 22, 46.

¹⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 118; Т. 49. С. 50.

¹⁴⁸ Антонов-Овсеенко А. В. «Напрасный подвиг?». М., 2003. С. 163.

рублей. По заверениям его куратора – немецкого посланника в Копенгагене Брокдорф-Ранцау вся эта сумма целиком была якобы доставлена в Петроград уже к январю 1916 года¹⁴⁹.

На российском горизонте Парвус появился еще во времена «Искры». Позднее он стал активным меньшевиком. В 1905 году – вместе с Троцким – выдвинулся на первые роли в Петербургском совете рабочих депутатов. Был арестован, сослан, бежал, эмигрировал. И уже тогда у него стала складываться дурная репутация человека непорядочного, явно равнодушного к деньгам и «шикарной жизни». Эту репутацию Парвус вполне оправдал, и в годы мировой войны нажил огромное состояние на военных поставках и контрабанде из Турции в Германию, из Германии в Данию, Россию, на Балканы. Но страсть к политике не оставляла его, что и привело к появлению упомянутого выше «Меморандума». Какие-то связи с Питером еще оставались, но их было явно недостаточно даже для имитации предложенного проекта.

Выход был один – установить связь с большевиками, которые, несмотря на репрессии, сохранили общероссийскую организацию. Об отказе Ленина от контактов с Меленевским Парвус наверняка знал, ибо в Константинополе они общались достаточно тесно. Возможно он был причастен и к самой инициативе Баска. Поэтому, не надеясь на посредников, в мае 1915 года он сам приехал в Швейцарию для встречи с Лениным.

Сведения об этой встрече сохранились в мемуарах Парвуса. Во времена, когда писались его воспоминания, он многое дал бы за то, чтобы приписать Ленина к своим делам. Увы, оснований не оказалось. И Парвус ограничился кислым замечанием о том, что Ленин отказался и от сотрудничества и от предложенных денег. К аналогичному выводу, анализируя данную встречу, приходит и американский исследователь Д. Шуб: «Парвусу не удалось добиться сотрудничества Ленина, и в использовании им нелегальной большевистской организации ему было отказано»¹⁵⁰.

Мемуары Парвуса считались единственным подтверждением самого факта встречи. Однако, существует еще одно свидетельство. Принадлежит оно бывшему эсеру, потом анархо-синдикалисту, а с 1913 года социал-демократу (плехановцу) Артуру Рудольфовичу Зифельдту, жившему в Берне в 1915 году. Причем воспоминания его были опубликованы в Баку в январе 1924 года, то есть до появления мемуаров Парвуса.

Зифельдт рассказывает, как весной 15-го года – а было ему тогда 26 лет – он спешил в столовую и по дороге встретил знакомую меньшевичку [Катю Громан] с каким-то малопривычным толстым господином. Она представила его – Парвус. А тот, в свою очередь, попросил Артура проводить его к Ленину. Но случилось так, что именно в этот момент на улице показались Ленин, Крупская и Каспаров, тоже спешившие в столовую. Парвус сказал, что хотел бы поговорить с Владимиром Ильичом, и Ленин пригласил его домой. «А я, – пишет Зифельдт, – пошел с Каспаровым в столовку обедать, а потом быстрым шагом, раздираемый любопытством, к Ильичу... Вхожу и застаю одного Ильича с Н.К. – “А где же Парвус?” Оказывается, что политическая беседа... была очень коротка. Не успел шейдемановский агент изложить до конца свою “платформу” и свои “предложения”, как Ильич кратко, но выразительно сказал, что им не по пути, и вежливо выпроводил Парвуса, выразив пожелание отныне больше его не видеть», то есть, говоря проще, выставил за дверь¹⁵¹.

А в центральном органе большевиков газете «Социал-Демократ» появилась статья «У последней черты», где Владимир Ильич писал: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустил теперь в издаваемом им журнальчике [«Колокол»] до... последней черты... Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий генеральный штаб

¹⁴⁹ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 38, 39, 41, 42.

¹⁵⁰ Новый журнал. Нью-Йорк, 1967. № 87. С. 306–307.

¹⁵¹ «Бакинский рабочий». Баку, 1924. №№ 24, 29, 31 (январь – февраль).

выступил за революцию в России»¹⁵². Для человека, мечтавшего о возвращении на роль *публичного политика*, это была убийственная публикация. И Александр Шляпников пишет, что все большевистские организации сразу же прекратили с Парвусом «всякие отношения»¹⁵³.

Время шло. Революция в России произошла без ведома и «указаний» Парвуса. И немцы уже сожалели о потерянном миллионе. Как вдруг, уже упоминавшаяся телеграмма в МИД, отправленная из Берна 23 (10) марта 1917 года бароном фон Ромбергом – о желании российских революционеров проехать через Германию, – дала Парвусу надежду вновь оказаться причастным к ходу событий.

По поводу телеграммы Ромберга МИД запрашивает мнение германского посланника в Стокгольме барона фон Люциуса, в Копенгагене – посланника Брокдорф-Ранцау, с которыми доктор Гельфанд поддерживал тесные связи. И Парвус рисует им радужные для Германии перспективы в случае возвращения в Россию – с его, конечно, участием – швейцарских эмигрантов.

Вне зависимости от напештываний Парвуса, Ранцау убеждает в целесообразности «гениального плана: прогнать дьявола при помощи черта» ряд ответственных чиновников: барона фон Мальцана в МИДе, руководителя военной пропаганды депутата рейхстага Эрцбергера, начальника разведотдела генштаба полковника Николаи. А они, в свою очередь, сумели убедить и рейхсканцлера Германии Теобальда Бетман-Гольвега. И статс-секретарь МИДа Артур Циммерман телеграфирует в ставку верховного командования: «Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, кажется уместным разрешить им проезд». 25 марта ставка предложение одобрила и 26 (13) – го МИД направил Ромбергу в Берн телеграмму: «Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имен должны быть представлены за 4 дня»¹⁵⁴.

О всей этой чиновной переписке Ленин, естественно, ничего не знал. Проходили дни и ему казалось, что надежд на скорое легальное возвращение в Россию становится все меньше. «В Россию, должно быть, не попадем!! – с горечью пишет он Арманд. – Англия не пустит. Через Германию не выходит». И о том же – Ганецкому: «Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»¹⁵⁵.

Ленин опять начинает думать о вариантах нелегальных. Конечно, уже не о аэроплане, но планах не менее курьезных. Он попросил Бронского, рассказывает Крупская, «разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию». Потом он конкретизирует идею. «Получаю вдруг, – вспоминал Ганецкий, – телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и две фотографии – его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: “Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые”»¹⁵⁶.

Крупская смеялась: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед». О том же писал и Ганецкий: «Я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план...»¹⁵⁷

¹⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82, 83.

¹⁵³ См.: Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 27, 28.

¹⁵⁴ См.: Солженицын А. И. Ленин в Цюрихе. С. 201; более полный текст см.: Соболев Г. Л. Тайна “немецкого золота”. С. 64; Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 20, 62.

¹⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414, 419.

¹⁵⁶ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 118, 135.

¹⁵⁷ Там же.

Телеграмма, о которой рассказал Ганецкий, это, видимо, телеграмма Ленина 23 (10) марта: «Письмо послано. Дядя желает получить подробные сведения. Официальный путь для отдельных лиц неприемлем. Пишите срочно Варшавскому [Бронскому]»¹⁵⁸. Если письмо пришло через «три дня», то это, видимо, 26 или 27 марта.

Трудно сказать, действительно ли смеялся тогда Ганецкий, но задание он выполнил. Среди сотрудников конторы Парвуса в Берлине был коммерсант Георг Скларц. Ганецкий и Бронский знали, что у него довольно тесные контакты с таможенными чиновниками и контрабандистами, но, конечно, никак не думали, что Скларц связан и с германской разведкой. Но самое любопытное, что – судя по немецким документам – ни Скларц, ни Парвус о данной затее ничего своим хозяевам не сообщили.

И основания для этого были...

О ходе переговоров германского МИДа со ставкой относительно «группового транспорта» русских эмигрантов немцы Парвуса не информировали¹⁵⁹. И у него, видимо, появилось ощущение, что главное опять проходит мимо него. Поэтому, когда Скларц сообщил о запросе Ленина, Парвус решил, что судьба наконец-то дает ему шанс вновь оказаться в центре событий. Фразу Владимира Ильича в телеграмме Ганецкому о том, что «официальный путь для отдельных лиц неприемлем» – он игнорировал. Главным было – заманить Ленина в Берлин...

Так или иначе, но в конце марта Георг Скларц примчался в Цюрих. Через свою знакомую Дору Долину он связывается с Михаилом Бронским и предлагает свои услуги для того, чтобы получить разрешение на проезд через Германию Ленина и Зиновьева. Когда Бронский рассказал об этом Ленину, Владимир Ильич насторожился и попросил встретиться со Скларцем вторично, чтобы выяснить – от чьего имени он действует. А Ганецкому 28 (15) марта телеграфировал: «Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена или русское договорится об обмене всех эмигрантов...»

Во время второй встречи с Бронским Скларц заявил, что сам доведет Ленина и Зиновьева до Берлина, потом проговорился о Парвусе и, наконец, стал предлагать деньги для проезда. Как пишет Платтен, все это окончательно «убедило Ленина, что посредник по этому делу – агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры». А Ганецкому 30 (17) марта Владимир Ильич вновь телеграфирует: «Ваш план неприемлем... Единственная надежда – пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев». В тот же день, в письме Ганецкому, Ленин еще раз пояснил: «Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю “Колокола” [Парвусу], я, конечно, не могу»¹⁶⁰.

Письмо пришло в Стокгольм 2 или 3 апреля. Ганецкий понял, что фотографии для паспортов уже не понадобятся, «однако фотографию Владимира Ильича, – пишет он, – я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей “Политикен”...»¹⁶¹ Действительно, 6 апреля (24 марта) эта газета опубликовала и портрет Ленина и статью о нем, написанную Вацлавом Воровским.

Так уж случилось, что пятница, 30 (17) марта, стала решающим днем...

Когда 26 марта имперский посланник в Берне барон фон Ромберг получил разрешение МИДа на групповой проезд русских эмигрантов, он тотчас сообщил об этом Гримму и был уверен, что списки отъезжающих получит в ближайшие дни. Но не тут-то было.

Принимая предложение о посредничестве в переговорах, Гримм вынашивал и свои честолюбивые планы. Ему казалось, что, общаясь с официальными представителями России и

¹⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 408.

¹⁵⁹ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 61–62.

¹⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 61, 62, 185.

¹⁶¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 135.

Германии, он сможет выступить в исторической роли миротворца. Позднее он сам признался, что вступил *«на путь тайной дипломатии»* для того, чтобы ускорить заключение сепаратного мира между Германией и Россией, дабы «спасти русскую революцию»¹⁶².

Теперь же, после информации Ромберга, выяснилось, что никаких контактов с официальными представителями не будет. И лишь 30 марта Гримм сообщает объединенному эмигрантскому ЦК о получении разрешения на групповой проезд через Германию. При этом он настаивает на получении соответствующей санкции у Временного правительства, после которой возобновит переговоры¹⁶³. Проблема снова загонялась в тот же тупик.

Как и о чем разговаривал Гримм с Ромбергом? Кто именно настаивает на санкции российского правительства – Гримм или Ромберг? Обо всем этом ничего не было известно. И вообще, «мы не были осведомлены, – пишет Платтен, – насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом»¹⁶⁴.

Ленин решает посоветоваться с многоопытным журналистом Карлом Радеком. Узнав у Бронского, что Карл Бернгардович отдыхает в Давосе, он договаривается о встрече. Радек немедленно приезжает в Цюрих вместе с гостившим у него немецким адвокатом, депутатом рейхстага, левым «циммервальдистом» Паулем Леви, и они обсуждают сложившееся положение.

Что касается отвергнутого нелегального варианта, то – в отличие от Крупской и Ганецкого – Леви смеяться не стал. «Это грозит расстрелом», – сказал он. Радек дополнил: «Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабандисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства...»¹⁶⁵

Значит, оставался только легальный вариант. И для его реализации необходимо было прояснить, готовы ли немцы продолжить переговоры без санкции правительства России. Радек и Леви тут же попросили знакомого корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер Цейтунг» доктора Дейнгарта спросить об этом Ромберга. Посланник сразу ответил, что немедленно «снесется с Берлином»¹⁶⁶.

И, наконец, в тот же день, 30 марта от Ганецкого приходит срочная телеграмма. Из Питера в Стокгольм прибыла партийный курьер М. И. Стецкевич. Она привезла газеты, письма для Владимира Ильича, но главное – и об этом была телеграмма Ганецкого – требование Русского Бюро ЦК большевиков немедленного приезда Ленина в Россию, ибо «нашим не достает руководства» и «каждый упущенный час ставит все на карту»¹⁶⁷. Этот вполне официальный вызов стал для Ленина, пожалуй, самым важным импульсом дальнейших решительных действий и, в частности, для того, чтобы взять инициативу в свои руки.

Он вновь и вновь просчитывает все возможные варианты. Взвешивает те политические последствия, которые могла иметь поездка через Германию. «Это был единственный случай, – вспоминал зашедший к Владимиру Ильичу Вилли Мюнценберг, – когда я встретил Ленина в сильном волнении и полным гнева. Короткими и быстрыми шагами он обходил маленькую комнату и говорил резкими обрывистыми фразами... Окончательным выводом всех его слов было: мы должны ехать, хоть сквозь пекло»¹⁶⁸.

В субботу вечером, 31 (18) марта, Пауль Леви сидел в кафе цюрихского Народного дома. Внезапно его позвали к телефону. Звонил сам барон Ромберг. Он сказал, что искал его по

¹⁶² См. там же. С. 51, 74, 75.

¹⁶³ См. там же. С. 95.

¹⁶⁴ См. там же. С. 47.

¹⁶⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 127.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 13, 14).

¹⁶⁸ Там же.

всему городу и не может ли господин депутат связаться с Лениным, ибо с минуты на минуту ждет окончательных инструкций из Берлина на свой запрос 30 марта¹⁶⁹. Ромберг сказал правду. В этот день в Германском генеральном штабе прошло совещание по поводу проезда русских революционеров. Сотрудник имперского разведотдела «Восток» капитан Бурман заявил, что «хотя его отдел и не придает этой акции большого значения, он хотел бы получить список проезжающих как можно быстрее». Остальные участники совещания поддержали его¹⁷⁰.

Пауль Леви немедленно разыскал Ленина и сообщил ему о звонке из посольства. Надо было решать. Не терять время, не начинать бесконечных словопрений с представителями различных партийных групп, как это делалось до этого, а принимать конкретное решение от имени большевиков, а уж затем ставить его на всеобщее обсуждение.

И Ленин пишет постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП, в котором заявляет, что предложения о групповом проезде, сделанные Гримму, «вполне приемлемы» и являются «единственным выходом». Что «дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима». А посему «предложение немедленного отъезда нами принято, и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться». Постановление подписывают Ленин и Зиновьев. Оно немедленно отправляется в большевистские группы Швейцарии, представителям других партий, объединенному ЦК русских политэмигрантов, а затем печатается листовкой¹⁷¹. Вечером в Берн уходит телеграмма Гримму: «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию... Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить нам решение»¹⁷².

Если бы где-то в Швейцарии взорвали бомбу, это, вероятно, произвело гораздо меньшее впечатление. Утром 1 апреля (19 марта) позвонил Гримм. Он заявил, что ни в коем случае не возобновит контактов с Ромбергом без санкции Временного правительства и считает «свою миссию исчерпанной». В тот же день из Лозанны Владимир Ильич получает телеграмму Марка Натансона о том, что эсеры будут выступать против решения большевиков¹⁷³.

Но Ленина это не останавливает. Он телеграфирует Ганецкому, просит его выслать 2–3 тысячи крон и сообщает, что выезд возможен в среду 4 апреля (22 марта) и ехать готовы уже минимум 10 человек. А Инессе Арманд пишет: «Надеюсь, что в среду мы едем – надеюсь, вместе с Вами»¹⁷⁴.

Английская и французская разведки внимательно следили за событиями в Швейцарии. Когда, по их мнению, вопрос о поездке русских революционеров сдвинулся с места, они потребовали от российского правительства решительных мер. Министр иностранных дел Милюков ответил английскому послу лорду Бьюкенену: «Единственное, что можно было бы предпринять, – это опубликовать их фамилии и сообщить тот факт, что они направляются через Германию; этого было бы достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию». Впрочем, этим разговором Милюков не ограничился. В популярной французской газете «Le Petit Parisien» было опубликовано его заявление о том, что каждый, кто вернется на родину через Германию, будет немедленно объявлен государственным преступником и предан суду¹⁷⁵.

На следующий день, 2 апреля, в рабочем клубе «Eintracht» состоялось собрание представителей эмигрантских центров – меньшевиков, эсеров, групп «Начало», «Вперед» и Поль-

¹⁶⁹ См.: Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67, 68.

¹⁷⁰ См.: Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 64, 65.

¹⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 83–84; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 93.

¹⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424.

¹⁷³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 96; См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 14–15).

¹⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 425.

¹⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428; см. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

ской партии социалистов. После выступления Ленина, обосновавшего решение Заграничной коллегии ЦК РСДРП, начались прения, вернее – не прения, а сплошной крик...

Владимир Ильич прекрасно понимал, что вопросов действительно возникает множество. Не играем ли мы на руку немцам, принимая их предложение? Не используют ли они нас в своих корыстных целях? Верно ли, что российские власти за проезд через Германию собираются посадить в тюрьму? И как воспримет эту поездку российское общественное мнение? Какова будет реакция русских рабочих?

Чтобы ответить, надо было, видимо, сначала определить главное. О чем идет речь – о судьбе, благополучии, комфорте самих эмигрантов? Или о чем-то более существенном? Для Ленина этот вопрос был уже решен...

В России началась народная революция. Идет борьба различных сил за влияние на массы. Там, в Питере, российские цекисты-большевики не могут противостоять таким умудренным политикам, как Милюков, Гучков, Керенский, которые, объявив войну не «империалистической», не «реакционной», а «оборонительной» и «революционной», по-прежнему будут гнать на кровавую бойню миллионы людей. Сама мысль об этом приводила Ленина в ярость. И он считал, что в таких условиях сидеть и ждать милости от такого правительства не только наивно, но и преступно.

Что касается тюрьмы, то ее вероятность не исключена. Ведь сослали же в гиблый Туруханский край, при попустительстве IV Государственной думы, за антивоенную пропаганду рабочих депутатов. Ведь сидит же в шведской тюрьме редактор газеты, интернационалист Карл Хёглунд. Сидит же с 1916 года в каторжной тюрьме Люкау, с одобрения немецкого рейхстага, Карл Либкнехт. И англичане и французы «используют» его в своих корыстных целях. Они тайно распространяют по Германии его письма в суд при королевской военной комендатуре в Берлине, его антимилитаристские памфлеты, разоблачающие германское правительство, призывающие пролетариат к интернациональной борьбе против войны. Английское ли правительство подвергает преследованиям учителя Джона Маклина за антивоенную деятельность, обвиняя его в «пособничестве врагу». Но настоящие революционеры-интернационалисты не могут вести себя по-другому...

Ну, а относительно того, не скомпрометирует ли эта поездка политэмигрантов в глазах русских рабочих, Ленин на собрании 2 апреля сказал: «Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех»¹⁷⁶.

Однако все аргументы Ленина большинством собравшихся были отвергнуты. В принятой резолюции постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП признали политической ошибкой. «По поводу отъезда, – писала Крупская Каспарову, – меньшевики и с.-р. подняли отчаянную склоку... Считают отъезд через Германию ошибочным, надо-де сначала добиться согласия – одни говорят Милюкова, другие – Совета рабочих депутатов. Одним словом, по-ихнему выходит: сиди и жди»¹⁷⁷. Владимир Ильич отреагировал более жестко: «Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, “боящихся” того, что скажет “общественное мнение”, *т. е.* социал-патриоты!!!»¹⁷⁸

Решение этого собрания не остановило Ленина. Он переходит в комнату правления рабочего клуба, где его ждали Радек и Мюнценберг. Подвели итоги. Теперь, когда «общее дело» сорвано, об отъезде 4 апреля не может быть и речи, а переговоры с немцами нужно вести не

¹⁷⁶ В. И. Ленин Биографическая хроника. Т. 4. С. 32–33.

¹⁷⁷ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

¹⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 427.

от имени объединенного ЦК политэмигрантов, а только от «группы Ленина». А стало быть, надо менять и посредника. Тем более, сам Гримм заявил вчера по телефону, что его «миссия исчерпана».

Выбор пал на Фрица Платтена, честность которого была вне всяких сомнений. Ему позвонили. Он пришел в половине второго. И после недолгих уговоров согласился. Теперь было важно, чтобы Гримм представил его Ромбергу как своего преемника. На это можно было рассчитывать, ибо сам Гримм – в том же телефонном разговоре – сказал, что «охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры...»¹⁷⁹

С этой проблемой решено было покончить сразу. Быстро оформив выписку о снятии с учета в Цюрихе и отъезде в Россию¹⁸⁰, Ленин, Крупская, Зиновьев, его жена Лилина, в сопровождении Платтена и Радека поездом выехали в Берн. Около 9 вечера Гримма нашли в Народном доме и разговаривали с ним в вестибюле, стоя. Ленин изложил ситуацию и, вопреки ожиданиям, Гримм сразу же заявил, что готов продолжить переговоры. Когда же Владимир Ильич сказал, что эта функция возложена на Платтена, Гримм процедил, что «он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен, хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. “А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти”».

Однако «мы, – рассказывает Радек, – поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой и мы его не хотим беспокоить». После фразы о «плохом дипломате» Владимир Ильич «посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмутив один глаз, а после его ухода сказал: “Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело”»¹⁸¹.

Было уже поздно. Ночевать остались в номерах при Народном доме. И Ромбергу позвонили лишь днем 3 апреля (21 марта). Накануне имперскому посланнику пришла шифровка МИД из Берлина: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии». В этой связи рекомендовалось «в обсуждениях с представителями комитета действовать с максимально возможной скоростью»¹⁸². Поэтому когда Платтен позвонил, Ромберг сразу принял его и заявил, что готов продолжить переговоры.

Теперь необходимо было выработать условия проезда. Над этим сидели и в ночь на третье и весь последующий день. Видимо, именно к этому времени относится так называемое «письмо Ганецкому» Ленина, так и не понятое его публикаторами. Не Ганецкий был его адресатом, а тот, кому предстояло встретиться с Ромбергом. И не об Англии в нем шла речь – это писалось из соображений конспирации, – а о Германии. Ибо о каком экстерриториальном вагоне можно было договариваться при очень коротком проезде – из порта в порт – через *союзную* России страну. Да и Платтен в качестве официального руководителя поездки появился лишь 2 апреля¹⁸³.

Основные пункты условий проезда определились сразу. Во-первых, руководитель поездки Фриц Платтен получает право везти любое число лиц, независимо от их взглядов на войну и без проверки на границе их документов. Во-вторых, вагон с эмигрантами пользуется правом экстерриториальности, что позволит избежать любых контактов с немецкими гражданами. В-третьих, проезд оплачивают сами эмигранты. И, наконец, единственное обязательство, которое они берут на себя – это агитировать в России за соответствующий обмен на интерни-

¹⁷⁹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 46, 96.

¹⁸⁰ См.: «Известия», 1926, 12 июня.

¹⁸¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 47, 63, 96, 128.

¹⁸² Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». С. 65.

¹⁸³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418.

рованных немцев. Особо оговаривалось, что, для полной прозрачности отношений, условия эти будут опубликованы в швейцарской и русской прессе¹⁸⁴.

4 апреля Платтен вновь был принят бароном Ромбергом, которому и вручил выработанные «условия». Имперский посланник изволил пошутить: «Извините, кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия». Тем не менее он внимательно прочел бумагу и возражать не стал. Практически, все основные пункты были обговорены еще с Гриммом и теперь «вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей»¹⁸⁵.

В конце беседы Ромберг допустил оплошку. Он полагал, что может, как это было при встречах с Гриммом, поговорить о мире между Россией и Германией. Барон, рассказывает Платтен, «спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его вопрос не могу дать никакого ответа. Г-н Ромберг заметил, что в этом отношении г-н Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся». А Ромберг, на сей раз довольно сухо, еще раз заявил, что «в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может *затормозить разрешение* на поездку»¹⁸⁶.

Между тем, 4 апреля в Женеве состоялось собрание эмигрантских организаций, которое – как и 2 апреля – отвергло план большевиков. И объединенный ЦК в Цюрихе призвал «все местные организации и отдельных товарищей не вносить дезорганизации в дело возвращения политической эмиграции и дожидаться результата шагов, предпринятых ЦК, как органом политической эмиграции в целом»¹⁸⁷.

5 апреля этот ЦК официально обращается в российскую миссию в Берне с запросом: существуют ли вообще пути возвращения на родину? И в миссии отвечают: «В настоящее время пути для проезда в Россию нет». В тот же день ЦК и отдельно Аксельрод, Мартов, Рязанов, Семковский, Натансон, Балабанова, Луначарский и другие отправляют в Петроград пространные телеграммы Керенскому, Чхеидзе, Вере Фигнер: «Единственный реальный путь – соглашение России с Германией, по примеру практиковавшегося уже во время войны обмена гражданских пленных, о пропуске эмигрантов взамен освобождения интернированных в России гражданско-пленных». К этому и свелись все «шаги», предпринятые объединенным ЦК¹⁸⁸.

Тогда же, 5 апреля, Ганецкому телеграфирует Ленин: «У нас непонятная задержка», – сообщает он и просит немедленно послать кого-либо в Питер, попытаться еще раз выяснить – возможна ли санкция Совета на поездку, а главное – узнать мнение по этому вопросу Русского бюро ЦК¹⁸⁹.

Вне зависимости от этого запроса, Русское бюро ЦК многократно пыталось провести через Совет такое решение. Однако всякий раз наталкивалось на сопротивление меньшевиков и эсеров. Лидеры Совета – Чхеидзе, Скобелев, Дан, Церетели – телеграфировали в Берн своим коллегам-меньшевикам о невозможности поездки через Германию, ибо «это произвело бы весьма печальное впечатление», и заверяли, что добьются разрешения на проезд через Англию¹⁹⁰.

¹⁸⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 48.

¹⁸⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 34, 62, 128.

¹⁸⁶ Там же. С. 50, 51.

¹⁸⁷ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 18, 19).

¹⁸⁸ Там же. С. 20, 21.

¹⁸⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

¹⁹⁰ См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 20).

Поэтому, исходя из ситуации, складывавшейся в Петрограде, Русское бюро вторично направляет в Стокгольм М. И. Стецкевич. Как утверждает член ЦК Шляпников, ей «был дан наказ: В. И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным». А Ганецкому Русское бюро 5 апреля телеграфирует: «Ульянов должен немедленно приехать». В тот же день в Стокгольм, для передачи Владимиру Ильичу, приходит телеграмма его сестры – Марии Ильиничны: «Ваш приезд желателен, но избегайте риска». 6 апреля Ганецкий и Воровский сообщают Ленину о телеграммах и от себя добавляют: «Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь»¹⁹¹.

Но ускорять события уже не было необходимости. Днем 6 апреля Фриц Платтен получает телеграмму от Ромберга: «Дело улажено в желательном смысле. Отъезд из Готмадингена, по всей вероятности, состоится в субботу вечером». Итак, «условия» приняты безоговорочно. Платтен сообщает об этом Ленину и идет в посольство. Ромберг рассказывает ему, что уже дано распоряжение и у немецкой границы, в Готмадингене, будут стоять два пассажирских вагона II класса, из расчета на 60 отъезжающих. Платтен просит заменить вагоны II класса на один вагон III класса, так как денег у эмигрантов хватит только на такой транспорт. Под сомнение ставится и дата отъезда: к субботе 7-го русские пассажиры явно не успевали¹⁹².

Нерешенных дел оказалось великое множество. И прежде всего – деньги. 869 франков (500 рублей) прислало Русское бюро ЦК. Более 1000 франков пришло из Стокгольма от Ганецкого. Предложил заем известный швейцарский социал-демократ, адвокат Карл Моор. К вопросу о деньгах Ганецкого и Моора нам еще предстоит вернуться. Пока лишь заметим, что в апреле 1917 года от займа у Моора большевики отказались¹⁹³, ибо 7-го числа удалось получить ссуду в 3000 франков у Правления швейцарской социал-демократической партии¹⁹⁴.

Численность отъезжающих росла: от 10–12 до 20–40 человек. Надо было перепоручить остающимся все дела, договориться о каналах переписки, подготовить к отправке в Россию партийные бумаги и книги, наконец, оформить кучу документов. А тут как раз подошла Пасха и из-за этого тоже возникали досадные задержки. Поэтому дату выезда переносили с 4-го на 7-е, потом стали ориентироваться на 8-е. Но 7-го немцы установили окончательный срок – 9 апреля, отправление в 15 ч. 10 м. из Цюриха¹⁹⁵.

Те, кто жил в Народном доме (в Берне) в ожидании отъезда, стали перебираться в Цюрих. Отправили телеграммы большевистским группам о времени и месте сбора. По просьбе Ленина Платтен известил о поездке Мартова и показал ему «условия». Однако Мартов ответил, что, во-первых, на документе нет подписи Ромберга, а во-вторых, он связан общим решением и уверен, что российское правительство поможет им вернуться на родину¹⁹⁶.

Отвергая большевистский план, меньшевики и эсеры с самого начала уверяли, что в случае, если Ленин и другие все-таки решатся ехать, они сделают все, чтобы защитить их от клеветы. Но страсти разгорались и обещание это становилось слишком ненадежным. Тогда Владимир Ильич решает привлечь «общественное мнение» интернационалистов разных стран¹⁹⁷. 7 апреля в Берне, в Народном доме, Ленин встречается с Анри Гильбо и Фердинандом Лорио (Франция), Паулем Леви (Германия), Фрицем Платтенем (Швейцария) и Михаилом Бронским (Польша). Он подробно информирует их о всех перипетиях переговоров с немцами и предла-

¹⁹¹ В. И. Ленин. Биографическая хроника Т. 4. С. 36, 38; См. статью Лукашева А. В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 19).

¹⁹² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 52.

¹⁹³ Haas L. Carl Vital Moor. Ein Leben für Marx und Lenin. Zurich, 1970.

¹⁹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 426, 427; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53.

¹⁹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425, 429, 430, 431.

¹⁹⁶ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 45, 98.

¹⁹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

гает текст «протокола». Согласно этому документу, те, кто подписал его, ознакомившись со всеми обстоятельствами и условиями поездки, убеждены, что «наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию», дабы «служить там делу революции». Все пятеро этот текст подписывают как заявление для печати¹⁹⁸.

На следующий день, 8 апреля, там же проводится собрание большевиков. Зачитывается и принимается написанное Лениным «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Затем оглашается и утверждается «Протокол собрания членов РСДРП Партии», к которому прилагаются все документы, связанные с поездкой, и Ленин, вместе с другими, подписывает его¹⁹⁹.

---

¹⁹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 488; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 100.

¹⁹⁹ В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.